

крымские детективы

Владимир Жуков

**ТАЙНА
СТАРОГО
ГРОТА**

Владимир Жуков

Тайна старого грота

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Жуков В. А.

Тайна старого грота / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Острсюжетные повесть, рассказы по мотивам преступлений и происшествий, совершенных на территории Крыма за последние двадцать лет. Произведения написаны по материалам уголовных дел. Имена «героев» по морально-этическим соображениям изменены.

© Жуков В. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

1. Левон и Матильда

Вика Корецкая решила сократить путь. Набрела на одну из тропинок и вскоре вышла на край крутого склона. Заросший кустарниками и изрезанный петляющими среди зеленой травы тропинками, склон возвышался над узкой полосой песчаного пляжа. Уютный, защищенный от ветра, он манил к себе многочисленных отдыхающих из ближайших санаториев и пансионатов.

Был разгар сезона – благодатный солнечный июль. Перед удивленно-восторженным взором девушки распахнулся простор до едва различимой, подернутой дымкой линии, где море сливалось с выцветшим небом, блистал бирюзовый плес. На поверхности воды дробились миллионы блестящих осколков. Они слепили глаза, и Вика поспешно вынула из пакета с надписью "Marlboro" солнцезащитные очки. На минуту замерла, залюбовавшись пейзажем. Сквозь перламутровые стекла очков стали резче видны яхта с высоким белым крылом паруса, оставляющий за собой пенистый след теплоход с пассажирами. Перевела взгляд и в поле ее зрения попали два спортсмена в оранжевых жилетах на кайт-серфингах, ловко управляющие тугими парусами и воздушными змеями..

В зоне, ограниченной красными буйками, купались люди, мелькали яркие мячи, надувные шары и резиновые плотки, слышались восторженные детские голоса. Вблизи дощатого причала у металлических свай покачивался на волнах спасательный катер. Пляж с ровными рядами топчанов был заполнен бронзовыми и шоколадными телами людей. Одни неподвижно нежались на солнце, другие наслаждались прохладой воды, а третьи передвигались у самой кромки берега, где набегающая волна лизала влажный песок. Девушка вначале огорчилась, что проспала и не успела к восходу солнца. Но потом подумала, что у нее еще будет возможность вместе с Алексом понаблюдать за ранним рассветом, когда красное колесо солнца поднимается из глубины моря. А как прекрасен закат.

Второй день, как москвичка прибыла в пансионат, а впереди три недели беззаботной жизни, в которой будет все: любовь, море, солнце, увлекательные экскурсии по древнему городу, морские прогулки и ночные купания. Перед отлетом она успела кое-что прочитать о Пантикапее, Акре, Мирмекий, Нимфее и Тиритака – античных городищах, о царе Митридате, в честь которого названа гора, о знаменитом склепе Деметры.

Еще дома, в Москве, перед вылетом в южный приморский город, Корецкая была уверена, что отдых удастся на славу. Удачливый и расторопный Алекс, брокер одной из московских бирж, умеет все устроить красиво и шикарно. С мужем она чувствовала себя, как за каменной стеной. Он не хотел отпускать ее на юг одну, а вылететь вместе ней не мог, так как предстояли выгодные торги. А она, истомившаяся в ожидании отдыха, не хотела жертвовать семейной путевкой в престижный пансионат "Бирюза". Алекс обещал управиться со своими делами, крупно пополнив их, теперь уже общий бюджет, и через три-четыре дня прилететь следом.

"Все складывается отлично", – подумала она и радостно рассмеялась. Слегка притормаживая, чтобы не сорваться стремительно вниз, она стала опускаться по твердой глинистой, кое-где каменистой тропинке. Ей помогали растущие по бокам и на поворотах тропинки кусты с длинными плетями ветвей, за которые она цеплялась руками. До слуха доносились ровный шум волн, крики чаек, людские голоса, детские смех и плач. Тропинка, петляя среди невысоких холмов и ложбинок, вывела девушку на желтый, искрящийся под солнцем пляж. Она сняла босоножки и ступила в мягкий, приятно согревающий ноги песок.

Вика огляделась, отыскивая свободное место. Все топчаны были заняты, но это несколько не огорчило ее. Она расстелила предусмотрительно захваченную скатерть, утопив ее концы в песке, чтобы не сдуло ветром. Сняла с руки часики и спрятала их на дно пакета. Сбросила с плеч легкий сиреневый халатик и осталась в купальнике, который одела перед тем, как отправиться на пляж. Хотела снять кулон на золотой цепочке – свадебный подарок Алекса,

но передумала. Оглянулась на соседей. В двух метрах от нее на топчане, прикрыв лицо газетой, дремал негр. "Каким ветром его сюда занесло? – подумала Корецкая. – Должно быть, студент. Только непонятно, зачем ему при его темно-коричневой коже загар. Может, фиолетовым хочет стать?"

Она не смогла сдержать смех и прыснула в ладони. Негр зашевелился, убрал с лица газету. Поймал на себе девичий взгляд и растянул в широкой улыбке большие губы, обнажив жемчужные зубы. Весело вращал белками глаз. Поднялся, свесив поджарые ноги на песок. Потом влюблено и интригуяще поглядел на девушку, словно для того и испепелял свою кожу на солнце, чтобы дожидаться и встретиться с незнакомкой. На голове у него курчавились мелкие и жесткие волосы.

– Ты ошен карош. Мой есть доллар, – попытался он вступить в диалог с красавицей. – Хошь доллар? Рашен баба, си-си во-о! – он изобразил руками пышные округлости груди, бедер и пообещал. – Валют, валют, баб...люб меня карашо...

– Сам ты бабай, бао-баб, – мимоходом бросила Корецкая, немало озадачив аборигена далекого континента..

Он смущенно улыбнулся. Потом встал, демонстрируя свою атлетически сложенную фигуру, сильные ноги с четко обрисованными мышцами, узкие в оранжевых плавках бедра, широкую грудь и играющие под кожей бицепсы. Негр был экзотичен и красив и мог бы, украсить плакат на тему: "Свободу народам Африки!", но у Вики были иные представления о красоте. До нее дошел смысл выражений и энергичных жестов иностранца.

"Мне для экзотики только негра не хватало, – обиделась Вика. – За кого он меня принял? За интердевочку? Попрошу Алекса, он легко достанет доллары. С валютой нет проблем". Но в следующий момент она посочувствовала негру: "Каково ему здесь среди белокожих особей! Хотя, наверное, найдется женщина, которая польстится на доллары, нырнет к нему в постель. Так что, черный джентльмен, наберись терпения, фортуна тебе улыбнется".

Вскоре у нее сложилось впечатление, что его совсем не интересует загар: негр высматривает симпатичных девочек. Самой Вике нравилось, когда мужчины обращали на нее внимание. Значит, все в порядке: она обольстительна и желанна. Но похотливых и слащавых взглядов, когда ее словно раздевали донага, она не переносила.

Чувствовала себя неуверенно, краска стыдливости заливала лицо, будто ее уличили в чем-то неприличном. Негр понял, что она не проявляет к нему интереса, и снова прилег на топчане, очевидно, тоскуя о далекой темнокожей африканке. С другой сторон от Корецкой расположилась молодая семья: высокий лет двадцати пяти парень и хрупкая женщина. Возле них в распашонке бегала девочка лет трех на вид.

Поблизости, в пункте проката, шла бойкая выдача шезлонгов, водных лыж, матрацев, ласт и масок, другого пляжного инвентаря. Вика, стройная и изящная, аккуратно обходя лежащие на песке тела, пошла к воде. Набежавшая волна мгновенно слизала ее маленькие следы, оставшиеся на влажном песке.

Отдаляясь от берега, она, раскинув по сторонам руки, с трепетной радостью ощущала, как вода остужает ее молодое горячее тело. Вика нырнула и поплыла, рассекая ладонями воду. В зацепившейся за ресницу капельке засияли цвета радуги. Было светло и радостно. Рядом играли в мяч подростки, на надувном матраце проплыла полнотелая женщина. В двадцати метрах, очевидно, завидев мелкую рыбешку, с криком бросались в воду чайки.

Она хорошо плавала, однажды на студенческих соревнованиях даже заняла призовое место. Особенно удавалось ей плавание вольным стилем и на спине. Тренеры и подруги прочили ей спортивную карьеру, но Корецкая твердо решила, что будет плавать не для рекордов, а для души. А тут нежданно-негаданно, как снег на голову, свалилось замужество, и другие заботы отодвинули спорт.

Она легко и быстро доплыла до металлического, покрытого красной краской буйка. Усталости не было, могла бы плыть и дальше, но не хотелось дразнить спасателей, внимательно следивших за пловцами с вышки, размещенной на причале. Едва кто-то заплывал за буйки, как по трансляции из репродукторов звучало строгое предупреждение.

Минут через двадцать вышла на берег. На ее упругом, гибком теле искрились капельки, тут же сжигаемые лучами солнца. Она зябко вздрогнула, но вскоре ее высохшую кожу окутала теплынь. Девушка, ощущая на себе взгляды, легла животом вниз на расстеленную скатерть. Пока она купалась, молодая семья успела собрать свои вещи и уйти. Их место уже успели занять другие. Затем достала из пакета сборник детективов Жоржа Сименона и углубилась в чтение.

Книга увлекла, читать начала еще в салоне Ил-62, на котором прилетела вчера на юг. Интригующий сюжет, поступки героев вновь завладели ее воображением, поэтому робкие попытки чернокожего привлечь внимание восклицаниями о наличии долларов не увенчались успехом. Обиженный ее равнодушием, он встал и лениво побрел к воде, провожая томным взглядом двух соблазнительных девушек в бикини. Они, искусно вертя бедрами, прошли мимо.

– Срочное цветное фото! Не скупитесь, граждане! – послышался задорный мужской голос. – Фотография – лучшая память о солнечных днях, проведенных на юге. Заказ выполняю в течение двух суток. Не упустите свой шанс. Фотография – лучшая память...

Вика подняла голову, встряхнула каштановыми, слегка подсохшими волосами. Метрах в десяти от нее худощавый, до медного цвета загоревший мужчина среднего роста в белых шортах и широкополой шляпе, устанавливал в песок ножки штатива с фотоаппаратом наверху. Через его правое плечо была перекинута сумка на узком ремешке, а на левом ловко восседала зеленовато-серая обезьянка. Время от времени ею овладевало беспокойство, она начинала прыгать по плечам и голове фотографа, то пряча, то показывая свою потешную мордочку. Следом за нею метался поводок, пристегнутый к ошейнику.

– Сейчас, Матильда, сейчас. Успокойся, – уговаривал фотограф обезьянку, почти автоматически работая руками и успевая оглядеть потенциальных клиентов. Внезапно его цепкий веселый взгляд встретился с Викиным взглядом. Он хитро ей подмигнул, будто говоря и до тебя, милая, очередь дойдет.

– Может, желаете с Матильдой? – предложил фотограф после нескольких кадров молодой супружеской паре с пятилетним мальчиком. – Будете потом рассказывать знакомым, что побывали в Африке или Индии. Правда, забавно?

– Мам, хочу обезьянку, – начал попросил малыш. Мамаша – блондинка порылась в кошельке и согласилась.

– Матильда, работа! – приказал фотограф. Обезьяна только и ждала этой команды. С хозяйского плеча прыгнула прямо на руки опешившему мужчине. Тот машинально отдернул руки.

– Не бойтесь, Матильда хорошая, – успокоил его фотограф. Он посадил обезьянку рядом с малышом, навел объектив и щелкнул затвором.

– Все хорошо, прекрасная Матильда, – пропел он, получая деньги из рук женщины и вручая ей квитанцию-расписку. – Фирма качество гарантирует. Через два дня ждите меня здесь.

Эта сцена позабавила москвичку. Она отложила книгу, присела, обняв колени руками и наблюдая, что будет дальше. Фотограф не торопился складывать штатив. Матильда заняла место на его плече.

Как Вика и предполагала, он направился к ней. "Не обладаю ли я телепатией? Сама его к себе привлекла", – подумала девушка. Подняться и войти в воду было бы бестактно. Поэтому она решила остаться на месте. К тому же ей приглянулся этот подвижный, видимо, преуспевающий фотограф, умеющий поймать клиентов на крючок, особенно тех, у кого дети. Редко кто из них откажется от соблазна сфотографироваться с потешной обезьянкой. Попробуй, откажи ребенку в таком удовольствии, и пляж огласится детским плачем.

По мере того, как фотограф приближался к Вике, его обветренные губы растягивались в улыбке. Матильда, предчувствуя очередной сеанс работы, была возбуждена, резво подпрыгивала, визжала на его плече.

– У вас прекрасное лицо и великолепная фигура, – произнес он, глядя женщине прямо в злато-карие глаза.

– Я это знаю, – внимательно следя за фотографом, отбросила прядь волос со лба. Обезьянка присмирела, вслушиваясь в разговор, а ее хозяин неожиданно стушевался. Потом поспешно продолжил:

– Для меня будет одно удовольствие вас снимать. Плата чисто символическая и только после изготовления фото. Для вас я сделаю исключение и не возьму предоплаты.

– Почему так? – улыбнулась она.

– Потому, что у вас нежные глаза и доброе сердце, – ответил фотограф и добавил для убедительности: – Поверьте мне, я в людях очень редко ошибаюсь.

– Хорошо, уговорили, – девушка поднялась в полный рост. Он оглядел ее стройную фигуру, тонкую талию, небольшую аккуратную грудь, запястья рук и увидел на пальце обручальное кольцо.

– О, сударыня, вы замужем. И совсем недавно! – воскликнул он, выбирая удобную позицию для съемки.

– Да, замужем, – ответила Корецкая. – Но как вы узнали, что недавно? Экстрасенс или хиромант?

– Колечко у вас абсолютно новенькое, недавно купленное.

– Вот оно что, – она посмотрела на кольцо, которое успела надеть после купания. – Вам не откажешь в наблюдательности. Наверное, обладаете даром ясновидения?

– Нет, опытом общения с людьми, – смутился фотограф. – Но обожаю книги о магии и приключениях. Правда, летом на них времени не остается. После пляжа в фотолаборатории пропадают.

Он на мгновение замолчал, выдержал паузу. Вика вся подобралась, гордо вскинув голову.

– Вот так, замечательно, настоящая фотомодель, – похвалил он. – Внимание, снимаю! Щелкнул затвор фотоаппарата.

– Давайте, душечка в знак благодарности я вас сниму с Матильдой бесплатно, – предложил он.

– Зачем же бесплатно, я охотно заплачу, – сказала она. – Имя у вашей обезьянки необычное, Матильда. Так звали знаменитую балерину – приму Мариинского театра Матильду Ксешинскую.

– Не знаю такую мадам, не встречался.

– Она родилась в XIX веке, отличалась красотой, умом и виртуозностью исполнения балетных партий. Блистала на сцене, купалась в роскоши и бриллиантах. Хотя в ее время балерины, артистки поневоле исполняли и роль куртизанок для состоятельных вельмож-меценатов, но Ксешинская была настоящей личностью, – пояснила Вика. – По ней сохли все состоятельные дворяне, в том числе царствующие особы из семьи Романовых. За одного из них Андрея Владимировича она впоследствии, эмигрировав во Францию, вышла замуж. Прожила долгую жизнь, почти сто лет. Это уже после нее заблистали балерины советской школы, которые были впереди планеты всей. Я восхищена героинями пушкинской и тургеневской эпох. Люблю таинственные истории, приключения.

Она указала глазами на лежащую у ног книгу:

– Например, детективы. Ужасно захватывающие вещи. Расследования преступлений...

– Не переносу убийства, даже в книгах, – с потускневшим голосом ответил фотограф. – Меня привлекают путешествия, морские странствия. А вы красивая женщина, могли бы сделать карьеру в модельном бизнесе в качестве манекенщицы.

– Меня такая скандальная слава не прельщает, ведь от топ-модели до порнографии один шаг. А я православная и поэтому строго почитаю библейские заповеди.

– Жаль у меня для вас созрело заманчивое и прибыльное предложение. Несколько фото и красивый, увлекательный отдых вам обеспечен. Есть люди, готовые платить за красоту...

– ... и наслаждения, – продолжила она его мысль и властно изрекла. – Не надо! Я не алчна, скромна в потребностях и мне хватает собственных денег на достойную жизнь.

Он сделал еще несколько снимков на фоне бирюзового моря, в том числе с обезьянкой в руках. Поблагодарил Корецкую за прилежность и терпение и, улыбнувшись, спросил:

– Зовут вас как, прелестная незнакомка?

– Вика, – улыбнулась она в ответ.

– Значит Виктория – победа, божественное имя. Красиво. Я – Левон Семенович. А если проще, то дядя Лева с Матильдой.

Заслышав свою кличку, Матильда принялась усердно перескакивать с плеча на плечо.

– Почему я прежде я вас не заметил на пляже. Наверное, из курортников? – поинтересовался фотограф.

– Да, я – москвичка, только вчера прилетела.

– Вот вам квитанция. Деньги отдадите потом, – Левон Семенович подал четвертинку бумаги, где были указаны его фамилия, адрес и срок выполнения заказа.

– Не надо квитанции, я вам на слово верю, – возразила девушка.

– Так положено. Качество гарантирую. Жду вас послезавтра в полдень на этом же месте.

– До встречи. О'кей, – Вика изящно взмахнула рукой.

Потом порылась в пакете, достала часы. Они показывали 11.32. "Еще разок искупаюсь, и пора в пансионат, иначе опоздаю на обед", – решила она и с разбега окунулась в набежавшую волну. Ее примеру последовал негр, все еще лелеявший надежду на взаимность. На гребне волны Вика увидела его курчавую голову и улыбающееся с белыми зубами, лицо. Он вынырнул и оказался рядом. Их мерцающие в воде тела едва не соприкоснулись. Она испуганно отпрянула в сторону.

– Не бойсь баба, рашен, Джек карош, – обиделся негр. В его глазах сквозили грусть и одиночество, и она невольно прониклась участием к этому сильному и наивному темнокожему человеку. Ей пришло на ум, что честность, доброта, порядочность и другие добродетели не зависят от цвета кожи. Сколько злодеев, аферистов среди белокожих людей. Корецкая невольно улыбнулась аборигену Африки, решив больше не отвечать на его улыбки, чтобы не травить ему душу напрасными ожиданиями и надеждами. Ей не нужны его доллары и ласки, у нее есть Алекс, и скоро она встретится с ним. Эта мысль согревала ее.

Девушка вышла на берег, подставляя спину под палящие лучи повисшего в зените янтарного солнца. Мимо в белом халате с тяжелой сумкой в руке прошла женщина, предлагая отдыхающим желтые початки вареной кукурузы. Со всех сторон налетела детвора. Вика, глядя, как взрослые и малыши уплетают за обе щеки слегка присыпанную солью кукурузу, почувствовала, что голодна. Она достала из пакета деньги и купила один початок. Охотно впила зубами в ровные, как пчелиные соты, рядки кукурузы и ощутила во рту солоновато-молочный привкус зерен.

К полудню на пляже все громче начинали раздаваться голоса хозяек из находившихся неподалеку одноэтажных домов. Они предлагали сок и фрукты, овощи. Несколько старушек торговали литературой об эротике и сексе. В большом ходу на пляже были брошюры с тайнами Камасутры, с анекдотами, секретами крымско-татарской и караимской кухни, кроссвордами, отпечатанные на газетной бумаге в городской типографии. Тогда, в канун развала СССР, где "секса не было", подобная литература с непристойными иллюстрациями, пользовалась большим спросом среди читателей разных возрастов, делавших для себя открытия в интиме.

"Сервис на все потребности и вкусы", – с грустью подумала москвичка. Дождавшись, пока освободится ближняя кабина, она переоделась, собрала вещи в пакет и, не надевая босоножек, пошла по воде у кромки берега. На повороте, идущей на подъем тропинки, замешкалась.

Обратила взгляд на пустынную тропинку и почувствовала непонятную тревогу. Ей показалось, что за ней кто-то наблюдает. Она не видит этого человека, но он следит за каждым ее шагом. Мистика, наваждение. Корецкая, стремясь избавиться от смутного чувства тревоги, заторопилась к группе людей, поднимавшихся вверх по бетонным ступеням лестницы под кроны деревьев тенистого парка.

2. Ночные купания

Обед в столовой пансионата прошел пресно и скучно. Публика подобралась довольно однородная – солидного возраста мужчины и женщины, некоторые с детьми. Привилегированное номенклатурное общество. Корецкая отличалась от них молодостью и очарованием. Поэтому несколько седеющих и лысеющих мужчин, считавших себя на время отпуска холостяками, норовили попасть за ее столик. Любезничали, пытались завязать непринужденный разговор. Девушка отвечала без энтузиазма, охлаждая их пыл и давая понять, что на большее они могут не рассчитывать. Она, ощущая на себе завистливые взгляды отцветающих женщин и робкие их обрюзгших мужей, быстро пообедала и через весь зал грациозно направилась к выходу.

– Напыщенная гордячка, приехала чужих мужей отбивать, – услышала она за спиной чей-то ядовитый голос. Остро почувствовала, что многие женщины в зале настроены против нее, видя в ней молодую красивую соперницу, способную совратить их благородных мужей. "Скорей бы приехал Алекс, – взгрустнула москвичка. – Может, тогда мелким интрижкам и зависти будет положен конец. Ухажеры с их колкими взглядами сразу же отойдут в сторону, растворятся в шумной толпе".

Она поднялась на второй этаж, где находился их с Алексом двухместный номер. В просторном холле взяла у портье ключи и открыла дверь. Вчера вечером, едва устроившись в пансионат, бросив небольшую дорожную сумку (основной багаж привезет Алекс), она умчалась к морю, чтобы окунуться в его прохладу, и пробыла там допоздна, пока крупные звезды не усыпали небосвод. Только теперь у нее появилась возможность внимательно оглядеть их временное жилище.

Номер был удобен: небольшая прихожая, гостиная, спальня, отдельно – ванная. В гостиной находились два кресла, стулья, журнальный столик и телевизор. В спальне – две диван-кровати, шкафы для одежды, трюмо, тумбочка и телефон, а в стенной нише – холодильник. На стене, оклеенной светлыми обоями, висела картина "Аю-Даг. Гурзуф".

"Мило и уютно, – оценила обстановку Вика. – Нам с Алексом здесь будет очень хорошо. Я постараюсь, чтобы ничто его не огорчало, ведь не даром женщину называют хранительницей очага".

Что ее тревожило, так это прохладные отношения со свекровью. Она прочила Алексу в жены дородную пышногрудую Эльзу Френкель, дочь своей подруги состоятельной еврейки – банкирши, с которой бы тот горя не знал, "катался, как сыр в масле". А тут, по ее словам, на пути встала эта вертихвостка, у которой, если что и есть, то красота, но и та от природы. По убеждению свекрови, с лица воду не пить, а красивая жена обязательно чужая любовница. Мысленно невестка возражала ей, и на это были веские основания. Ведь Вика успешно училась на третьем курсе экономического факультета. А экономисты и юристы нынче, когда чуть ли не на каждом углу кричат о рыночной экономике, на вес золота. Об этом она открыто не говорила свекрови, лишь иногда жаловалась Алексу.

"Слюбится, все перемелется, – успокаивал он ее. – Детишки пойдут, вот увидишь, оттают сердце у матери. Внуки – это такая сила..."

При мысли, что у них будут дети, Вика нежно склоняла голову на плечо Алекса. Он осторожно гладил ее по голове, перебирая пальцами нити каштановых волос.

Женщину будто обдало теплой волной, когда она вспомнила об этих счастливых минутах. Думать об Алексе и знать, что сейчас он далеко и не может ее обнять, было мучительно больно, и она решила отвлечься. Легла на диван-кровать и принялась размышлять над событиями первой половины дня.

"Какой потешный дядя Лева с Матильдой! Не взял с меня ни копейки, – улынулась она, воочию вообразив фотографа. – Может он специально прикидывается добряком, чтобы заманить в ловушку, в секс-притон. Не замыслил ли он использовать мои фотографии для какого-нибудь порнографического издания, сделав из них монтаж либо коллаж? Как это до меня сразу не дошло! Возможно, демонстрируя свое бескорыстие, он рассчитывает путем шантажа добиться согласия на съемки с натуры. Ну, дудки, ничего у него не выйдет. Приедет Алекс и все образуется. А вообще фотограф забавный и вряд ли он станет рисковать своей репутацией". Утешало то, что и другие девушки, женщины и дети на пляже охотно позировали дяде Лева.

Резко, настойчиво зазвонил телефон на тумбочке. Вика, вздрогнув от неожиданности, догадалась, что это междугородка. С волнением подняла трубку, поднесла ее к уху и услышала родной голос:

– Вика, прелесть моя, как ты там устроилась?

– Отлично, милый Алекс. Мне без тебя грустно, я сейчас заплачу, – она понарошку всхлипнула в трубку.

– Не плачь, малыш. Потерпи, завтра я буду у твоих ног, – пожалел он. – Вечер подарит нам встречу. Торги прошли удачно, сверх моих ожиданий. Свалилась куча денег, и у нас будет повод хорошо отпраздновать это событие. Что ты молчишь, Вика, богиня моя? Я хочу слышать твой голос. Мне очень не хватает тебя, моя ласковая женушка...

Корецкий замолчал, слышалось лишь его напряженное дыхание.

– Знаешь, я уже успела немного загореть и покупаться, – похвасталась она. – В день приезда не поленилась и вечером пошла купаться. Отыскала очень уютную бухточку в километре от пляжа, мне подсказали, что она называется Синее Око. Правда, очень поэтично? Ты не представляешь, какое это блаженство – ночные купания. Они тебе обязательно понравятся, и мы будем ходить в бухточку вместе, а то одной страшновато. В прошлый раз мне слышались мужские голоса.

– Что? Какие голоса? – всполошился Алекс.

– Да там, в бухточке, о которой я тебе только что говорила, – ответила она. – Знаешь, Алекс, это все так таинственно и интересно. По телефону обо всем не расскажешь. Приезжай, милый.

– Дай слово, что до моего приезда ты не будешь ввязываться ни в какие авантюры, – строго потребовал он. – Я ведь знаю твой характер. Начиталась детективов, и теперь тебе везде грезятся кошмарные истории. Имей в виду: в реальности больше опасностей, чем в книгах и фильмах, будь осторожна. От мужчин держись подальше, ты ведь у меня такая хорошенькая и соблазнительная. Умоляю тебя.

– Хорошо Алекс, спасибо за комплимент. Ты знаешь, я очень послушная жена, – вздохнула она. – Да, не забудь захватить с собой крем для загара, а то я боюсь обгореть. Кожа начинает шелушиться.

– Больше ничего не забыла? – ласково спросил Алекс и добавил. – А шампанское и цветы? Или ты к ним равнодушна?

– Это по твоему усмотрению, милый. Для меня ты – лучший подарок, – рассмеялась она, и связь неожиданно оборвалась.

В это время телефонные каналы в южном направлении сильно перегружены, а мобильной связью еще не была охвачена территория. Прождала у телефона минут двадцать. Уже было решила сама набрать через код домашний номер, но вспомнила, что Алекс не сказал, откуда он звонил. Случайно напороться на свекровь у нее не было ни малейшего желания. Та своим надменно-грубоватым голосом, неизменными нравоучениями неразумной строптивой невестке могла испортить приятное впечатление от разговора с Алексом.

Вика, совершенно нагая, встала с постели. Увидела свое отражение в зеркале и вдруг смутилась, словно в комнате находился кто-то посторонний и украдкой подглядывал за ней. Женщина, не без огорчения, что лучшие наряды упакованы в чемодан, который привезет Алекс, надела красно-белое комбинированное платье. Ей очень хотелось появиться на ужине в чем-нибудь новом, пофорсить перед печальными взорами отцветающих дам и их стареющих мужей, которые, видно, не первый сезон нежатся на золотом песке, тогда как простые смертные довольствуются ролью дикарей, проживая в палатках.

За ужином Корецкая раздумывала: пропустить ночные купания или остаться верной своему зарoku – продолжать их регулярно. Благо от этих мыслей ее никто не отвлекал. По-видимому, в послеобеденное время слишком откровенно на нее глядевшие мужья получили от ревнивых жен суровый инструктаж и теперь вели себя, как почтенные отцы благородных семейств". Если я сейчас пропущу купание, один раз позволю себе расслабиться, то не смогу отказать себе в этом и в другой раз, – размышляла москвичка. – Нет, я должна преодолеть свою слабость и пойти. А завтра, когда прилетит Алекс, предо мной не возникнет никакой дилеммы. И я его приучу к ночным купаниям, очень полезным для здоровья. Не все же мне быть скромной послушницей, надо когда-то и свой характер, волю проявить..." С решительностью на лице она поднялась в свой номер. Собрала в пакет вещи: полотенце, зеленую резиновую шапочку пловца. Взглянула на часы – 20.15 и заторопилась по ступеням вниз к подъезду. Через двадцать минут она была уже на пляже. К ее удивлению, десятка два мужчин и женщин купались в море.

Солнце уже скрылось за нависшим над берегом склоном и кронами деревьев. Широкая тень легла на песок, на топчаны, на прибрежную гладь воды, где еще плескались люди. Вдали от берега море блистало в красноватых бликах заходящего солнца. На волнах раскачивалась великолепная яхта, будто сошедшая со страниц гриновской феерии "Алые паруса". А над ней резвились белокрылые чайки.

"Значит, не одна я – любительница ночных купаний, – обрадовалась Корецкая и решила остановиться в этом месте – среди людей будет веселей". Но вдруг вспомнила, что забыла прихватить с собой сухое нижнее белье. Одно дело, когда плаваешь днем, солнце за час высушит купальник, и совсем иное – вечером и ночью.

Ей ничего не оставалось делать, как пройти к облюбованной ею бухточке Синее Око, подковкой врезавшейся в скалистый берег с древним гротом. Там, как и в прошлый раз, Вика могла раздеться догола, не опасаясь быть увиденной. В миле от берега в сгустившихся сумерках, словно на якоре, застыла яхта. Последний отблеск заката скользнул по ее парусу и погас.

Корецкая обернулась, вглядываясь в пугающую темноту прорезанного в скале грота. Его происхождение было для нее не ясно: то ли это результат воздействия воды и ветра, то ли выработки, оставленные человеком. Завтра днем они с Алексом обязательно обследуют здесь каждый уголок, облазят все скалы. Прекрасное место для уединения, для любви.

Вдруг за спиной послышался шорох. Со скалы сорвался и шлепнулся в воду камешек. Шурша крыльями, из грота вылетела незнакомая птица. Вика вздрогнула, зорко всматриваясь в темноту. "Вот трусиха, наверное, это летучая мышь", – пожурела она себя.

Но ощущение того, что за ней кто-то следит, не оставляло девушку. Чтобы избавиться от него она силою воли подавила страх. Предусмотрительно, дабы не потерять, сняла золотую

цепочку с кулоном, наручные часы и не успевшее вратиться в кожу обручальное кольцо. Оно легко поддалось и поэтому в воде могло соскользнуть с пальца и кануть. Потом разделась, положила вещи в пакет.

Спрятала его за омытый штормами и выбеленный солнцем, утонувший в прибрежном песке большой валун. Нагишом смело вошла в мерцающую фосфором воду. Удивительно теплые, как парное молоко, струи приятно ласкали ее гибкое тело. Поплыла, с радостью ощущая легкость и гибкость тела, плавные гребки руками. Легла на спину, будто паря в невесомости.

Ночь была тихая, безлунная. Вдалеке на изгибе береговой линии сверкали огни пригородного рыбацкого поселка. Корецкая повернулась лицом к гроту и замерла. Из глубины черного чрева метнулась чья-то большая тень. Страх мгновенно сковал движения девушки. Вместо того, чтобы поплыть прочь, она повернулась к берегу, к одежде и опоздала...

3. Тревога Алекса

Прерванная телефонная связь с юной женой огорчила Алекса. Конец разговора получился без милого ему "нежно обнимаю и целую". Он недостаточно убедительно наказал жене быть осторожной, не предпринимать действий, представляющих для нее опасность.

Несколько раз пытался набрать код, но линия связи была занята. Тогда он заказал переговоры через телефонистку. И как ни уговаривал соединить быстрее, раньше чем через час она не обещала. "У нас масса заказов", бесстрастным голосом, подобно автоответчику, сообщила телефонистка. Чтобы скоротать время, пока родители смотрели в театре балет "Жизель", Корецкий занялся сборами в дорогу.

В большой кожаный чемодан, где находилась Викина одежда, он положил шампунь и крем для загара. Вспомнил, как два дня назад, когда неожиданно разладился их совместный вылет на юг, пакуя чемодан, спросил, зачем ей столько платьев, юбок, блузок. Уж не думает ли демонстрировать их в салоне мод на подиуме в роли манекенщицы? Жена находчиво ответила: "с тобой я всегда хочу быть красивой". "Ты дорога мне в любом наряде и, особенно в костюме Евы", – пошутил он тогда, и нежно прикоснулся губами к ее щеке. "Какой же ты ненасытный", – кокетливо обиделась она, слабо обороняясь от его ласковых губ и рук.

Эта трогательная сцена и момент прощания в аэропорту Внуково, когда жена, пройдя через накопитель, помахала ему трепетной рукой, и сейчас стояли перед его глазами. В память врезались мельчайшие подробности, словно мозг старался сохранить их навсегда.

В спортивную сумку, со своими вещами Алекс положил по бутылке водки и шампанского, коробочку с духами "Фиджи", золотой перстенок с изумрудом и коробку шоколадных конфет "Ассорти". Жена, он не сомневался, обрадуется этим подаркам.

Взглянул на безмолвный телефон. Поднял трубку, набрал код – результат оказался неутешительным. Электронные часы на руке показывали 21.30. В душе Алекса нарастала тревога.

"Бухточка Синее Око, странные голоса"... – в его сознании отчетливо всплыли обрывки этих фраз, произнесенные Викой и потом ее любимое восклицание: "Все это так таинственно и интересно!"

Он знал, что после этого заключения жену невозможно удержать на месте. Эта фраза для нее была сигналом к действию. Только сейчас понял, что не может изменить ситуацию. Синее Око. Мужские голоса? Что бы это значило? – Алекс терялся в догадках в предчувствии надвигающейся опасности. – И почему вдруг Вика?"

Состояние неопределенности и тягостного ожидания действовало на него угнетающе. Мозг неотступно сверлила одна мысль: почему я не улечу вместе с ней? Черт меня дернул остаться на торги, хотя и удачные". Алекс прошелся по богато обставленной комнате – их пока тесноватому, временному жилищу. Под ногами мягко пружинил ковер, подаренный отцом в

день свадьбы. Корецкий включил телевизор, но опереточно-водевильная, а на другом канале зловеще-траурная музыка, раздражали, и он нажал на кнопку выключателя.

Распечатал пачку сигарет "Конгресс". Закурил, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, стоящую у телефона. Громко зазвонил телефон, и он стремительно поднял трубку.

– Ваш абонент не отвечает, – произнес все тот же сухой женский голос. Телефонистка явно намеревалась снять заказ, но он опередил.

– Будьте добры, соедините с дежурным администратором пансионата "Бирюза", – попросил он заискивающе и назвал номер телефона. Соединили на редкость быстро. Алекс даже не успел обдумать вопросы. Когда на другом конце провода послышалось привычное: "Алло, слушаю вас", он, волнуясь, спросил:

– Пожалуйста, подскажите, где сейчас находится проживающая в вашем пансионате Виктория Андреевна Корецкая?

– А кто ее спрашивает? – с явным любопытством поинтересовалась женщина, судя по голосу, пожилого возраста.

– Из Москвы, ее муж, Алекс.

– Примерно в девять часов вечера она вышла из пансионата и еще не возвращалась, – сообщила администратор.

– Может, вы проглядели? – слабо надеясь на утвердительный ответ, допытывался он.

– Нет, милоч. Как вас по имени то, запомитовала?

– Алекс, – напомнил Корецкий.

– Ну и имя, как у соседского бульдога. Господи, прости, что скажешь, – вздохнула женщина. – Так вот, мимо меня мышь не проскользнет. Я уже десятый годок вахту несую. Ни замечаний, ни претензий, одни благодарности и грамоты от начальства и профкома.

– Меня не интересует ваша биография, – грубо оборвал ее Корецкий, обидевшийся за сравнение с бульдогом. – Передайте, пожалуйста, Вике: как только она появится, пусть позвонит мужу.

– Какому еще мужу?

– Я у нее один, – оскорбился Алекс. То ли по умыслу, то ли случайно, но женщина в долгу не осталась.

– А что ты, милоч, всполошился, – отпарировала она. – Никуда ваша Вика не денется. Некоторые женщины по двое-трое суток на ночлег не появляются. А потом их на черных "Волгах", "Mercedes", джипах к самому подъезду доставляют с букетами роз. Ха-ха...

– Вы думайте, что говорите, я ее муж! – вспыхнул Алекс.

– Настоящие мужья жен одних на курорт не отправляют, – еще сильнее укорила она его и бросила трубку. С неприятным осадком на сердце Корецкому оставалось ждать Викиного звонка.

Он слышал, как возвратились из театра родители. Спустя несколько минут мать вошла в его комнату. Увидела мрачного сына с сигаретой в руке у телефона.

– Фу, накурено. Дымишь как паровоз, – она с недовольным выражением лица небрежно разогнала пухлой рукой дым. Поглядела на роскошную люстру и упрекнула:

– От табака хрусталь портится. Молчит твоя дражайшая?

Сын огорченно кивнул головой.

– Говорила я тебе: не женись на слишком красивой. С Эльзой никаких бы проблем не знал, был бы здоров и сыт, – оживилась она. – Намыкаешься ты с ней. Уехала, и ни слуху, ни духу. До тебя ли ей, когда рядом богатые мужики табуном ходят?

– Мама, оставь меня, пожалуйста, – рассердился он. – Опять ты за свое. Пойми ты, наконец, что Вика моя законная жена, я ничего не собираюсь менять, смиришься с этой мыслью. К рыжей Эльзе я совершенно равнодушен.

– Конечно, ты у нас взрослый, мудрый. Советы родителей тебе ни к чему, – обиделась мать и вышла в соседнюю комнату.

Алекс понимал, что враждебность к его жене может когда-то обернуться большим скандалом, поэтому надо ускорить поиск подходящего жилья. Время тянулось мучительно медленно. С каждой минутой он чувствовал, как угасает надежда на Викин звонок из Крыма.

Старинные, доставшиеся от деда часы, пробили полночь, надо было срочно действовать. Если бы жена возвратилась в пансионат даже час назад, она бы обязательно позвонила. Но телефон молчит. Значит, с ней что-то случилось.

Звонить администратору, чтобы выслушивать ее обидные намеки и нотации у Корецкого не было желания. "А что если напрямую обратиться в милицию, ведь номер ее везде одинаков, – подумал он. – Это, пожалуй, лучший вариант в моей ситуации. Только воспримут ли они мою тревогу всерьез? Ведь от столицы полторы тысячи километров".

С волнением набрал на диске код, а затем номер милиции. Вслушался в трубку. Пришли отдаленные гудки, а затем отзыв:

– Старший оперуполномоченный угрозыска капитан Белозерцев слушает. Алло?

Корецкий растерялся, но быстро собрался с мыслями.

– Товарищ капитан, будьте добры, выслушайте меня. Звоню вам из Москвы по поводу странной ситуации. Два дня назад в пансионате "Бирюза" поселилась моя жена Виктория Андреевна Корецкая, восемнадцати лет от роду. Сегодня вечером она ушла на ночные купания и до сего часа не возвратилась в свой номер. За ней прежде такое не водилось.

– Ну, обычное дело, – успокоил Василий.

– Тревожное, иначе бы я к вам за тысячи верст не обратился. Дело в том, что она мне по телефону сообщила о мужских голосах, услышанных накануне в бухте Синее Око, где жена купалась прошлой ночью.

– Вас это тревожит? Ведь это могли быть рыбаки, возможно, браконьеры. Непонятны мотивы вашей тревоги?

– Интуиция подсказывает, что-то случилось? У Вики особое чутье на криминальные происшествия. Я умоляю вас, срочно проверьте бухту Синее Око. Я уверен, она там. Все затраты я оплачу. Завтра же прилечу самолетом.

Белозерцев записал координаты Алекса Корецкого: адрес, номер телефона. За пультом управления оперативной связи городского отдела милиции он оказался в силу обстоятельств, поскольку дежурный по УВД майор Крупин и его помощник сержант Столетов в этот момент находились в подвальном помещении изолятора временного содержания (ИВС) для отправления арестованных в следственный изолятор (СИЗО) республиканского УВД. Василий Белозерцев вместе со следователем Владимиром Щегловым, отдыхавшим в комнате дежурной части, пребывали в суточном наряде.

Алексу Корецкому повезло, что трубку поднял Белозерцев, не оставлявший без внимания ни один сигнал. Хотя ложных сообщений поступало немало – юнцы "резвились", но он научился их различать. "Вряд ли ради розыгрыша человек станет звонить нам из Москвы, – подумал он. – Может, ревность обуяла, но в таких случаях милицию обычно не впутывают. Чудной все-таки этот Алекс. Может, возомнил себя экстрасенсом?"

Капитан позвонил в пансионат «Бирюза» и удостоверился, что там вторые сутки проживает москвичка Виктория Корецкая, которая в данный момент отсутствовала. Это усилило его подозрения о причине беспокойства москвича.

О нестандартной ситуации Василий доложил следователю.

– Может среди ночи всполошился, запаниковал ревнивец, заподозривший молодую жену в измене. Не перевелись еще горячие Отелло? – предположил Щеглов. – Вот и решил в качестве пугало и надзора использовать милицию. Дешево и сердито. Есть такие ушлые шутники.

– Паникера я бы определил по запальчивости и тембру голоса, – возразил Белозерцев. – Алекс говорил четко, логично без истерики, присущей ревнивцам. В меру сдерживал чувство тревоги. Ты же знаешь, что я скептически отношусь к гипотезам о телепатии, телепортации, прочим мистическим причудам, но в данном случае его беспокойство считаю мотивированным. Его тревога за судьбу Виктории передалась и мне. Наверняка, сработала интуиция.

– Она, что же тебя ни разу не подводила?

– Подводила, но в редких случаях, – признался Василий. – Лучше ошибиться, среагировать на ложный сигнал, чем потом испытывать угрызения совести за то, что имел шанс спасти человека, но упустил его.

– А в моей практике это первый случай, когда человек, находящийся за полутора тысяч километров, сообщает о всего лишь возможном злодеянии. Может у него проблемы с психикой, страдает манией страха и преследования? – произнес следователь. – По сути, нет ни состава, ни признаков преступления, а всего лишь предположение. Другое дело, если бы позволил очевидец, свидетель или потерпевший, но таковых нет. Не отвлекает ли москвич таким способом нас от реально совершаемого в данный момент преступления? Мы, сломя голову, помчимся к бухте Синее Око, а в городе кто-то совершит убийство, ограбление или кражу? Такие прецеденты нередки. Если мы по каждому вызову срываться с места, то не останется сил и времени для раскрытия уже совершенных преступлений. А за низкий процент раскрываемости начальство снимет стружку по полной программе.

– На мой взгляд, куда важнее предотвратить преступление, спасти человека от насилия, чем после его гибели заниматься расследованием, – напомнил Белозерцев о значимости профилактики. А твои аргументы не безупречны. Будь Корецкий пылким ревнивцем, то не отпустил бы жену на курорт, где под знойным южным солнцем завязываются мимолетные романы и закипают страсти...

– Вдруг она сбежала и не одна, а с любовником? – выдал очередную версию Щеглов.

– Исключено. Во-первых, вряд ли Алекс знал, куда сбежала? Если бы и знал, то стал бы по этому поводу беспокоить милицию, – парировал Белозерцев. – Во-вторых, я навел справки у администратора пансионата «Бирюза». Она сообщила, что у Виктории семейная путевка на двоих.

– Сдаюсь, убедил, – поднял руки следователь и усмехнулся. – А вот тот факт, что бухта Синее Око находится на чужой для нас территории сельского района, а не Керчи, опровергнуть не можешь. Предлагаю озадачить наших коллег из РОВД, пусть они поломают голову над ситуацией.

– Володя, я тебя не узнаю, где твоя прежняя удаль? – упрекнул оперативник.

– С удалью все в порядке, а ты в азарте сыщика забыл, что у водителя жесткий лимит горячего и мы не имеем права на холостые пробеги, – напомнил Щеглов о дефиците ГСМ.

– Жизнь, здоровье человека дороже, – возразил Василий. – На объяснения и согласования и другими формальности с РОВД уйдет уйма времени, а у нас на счету каждая секунда.

– Твоей одержимости можно позавидовать, – заметил следователь. – Значит, поступим рационально. Чтобы не распылять силы, ты с водителем отправляйся к бухте Синее Око, а я, пока нет Крупина, останусь на вахте. Если обнаружишь что-то серьезное, то сообщи по радиостанции, я буду на связи.

– По коням! – войдя в фойе, скомандовал Белозерцев милиционеру-водителю Виктору Зинчуку. Так в переносном смысле, «конем» он называл милицейский темно-зеленого цвета УАЗ. Сержант лихо выехал из города на дорогу, ведущую на побережье Азовского моря. Место за пультом дежурной части занял Щеглов.

Вскоре из внутреннего двора городского отдела милиции выкатил автозак с закрытым металлическим фургоном, в котором находились подследственные. Их периодически и непременно в ночное время доставляли на железнодорожный вокзал и в специальном вагоне под

охраной конвоя отправляли в следственный изолятор (СИЗО). Несколько минут спустя, в дежурную часть вошли Крупин и Столетов. Следователь уступил им место за пультом. Сообщил майору о подозрениях Корецкого и выезде по его сигналу Белозерцева на место предполагаемого преступления.

4. В бухте Синее Око

Они отыскивали самый короткий путь к бухте. Свет фар выхватывал из темноты каменисто-глинистую полузабытую дорогу. Зинчук остановил машину почти на краю склона. Внизу шумело море. В отдалении проплыли огоньки то ли рыбацкого сейнера, то ли большой яхты.

– Дальше дороги нет, – пояснил водитель, хотя Белозерцев и без него знал, что если попытаться проехать кромкой берега по бездорожью, это займет много времени.

– Тогда поглядим, какие из нас скалолазы, – сказал Василий и, подсвечивая себе фонариком под ноги, стал спускаться вниз, в бухту. Цепляясь за выступы камней и ветки кустарника, они вскоре достигли цели.

– Виктор, я обследую прибрежные камни, а ты поищи в гроте, – велел капитан и принялся шарить лучом фонарика по валунам, о которые разбивались набегающие с залива волны.

Минут через пятнадцать он услышал голос сержанта:

– Товарищ капитан, нашел. Бог ты мой, что с ней сделали...

Белозерцев, спотыкаясь о мокрые камни, поспешил на желтый глаз фонаря, горевшего в темной полости грота. На каменном выступе у самой стены лежало обнаженное тело девушки. Вены ее рук на сгибе локтей были перерезаны. Алой струйкой в воду стекала кровь. Глаза потерпевшей были закрыты, запекшиеся губы искусаны. Василий взял ее вялую руку на запястье, едва почувствовал слабый пульс.

– Виктор, живо наверх, в машину. Срочно вызови "Скорую помощь" и сообщи в городской отдел. Неси аптечку, дорога каждая секунда.

Зинчук стремглав сорвался с места, а Белозерцев лихорадочно искал какую-нибудь ткань, чтобы перевязать незнакомке порезанные руки.

"Где же ее одежда, вещи?" – подумал он и наткнулся глазами на зеленую резиновую шапочку. Надкусил ее край зубами, разорвал на узкие полоски и, словно жгутом, стянул на глубоких порезах вены. То, что они были глубокими, Василий понял сразу, так как кровь не успевала свернуться. Капитан взглянул на потерпевшую, стараясь уловить признаки жизни. Ее мертвенно-бледное лицо с каштановыми прядями волос было очень красиво. "Может, поэтому и рука насильника не поднялась, чтобы его изуродовать, – подумал Белозерцев. – Не исключено, что кто-то помешал осуществить злодейский замысел до конца. Только бы она выжила. Слишком много, наверное, потеряла крови".

Белозерцев впервые оказался в такой ситуации. Он сомневался: надо ли применить искусственное дыхание, или оно может только навредить пострадавшей. По синякам и ссадинам на теле девушки было видно, что она отчаянно сопротивлялась, но силы оказались неравны. Он держал в руке ее запястье, ощущая угасающий пульс. "А этот Алекс оказался прав, – мелькнула мысль. – Он либо действительно предчувствовал, либо точно знал, что его жене грозит опасность. Если так, то он должен знать, от кого исходила угроза".

– "Скорая" выехала. Из отдела придут Щеглов с кинологом и экспертом-криминалистом, – доложил возвратившийся водитель. – Работниками ГАИ перекрыты все выезды из города.

Сержант подал Белозерцеву аптечку. Вдвоем они плотно перебинтовали руки потерпевшей. Она находилась в бессознательном состоянии. После некоторого колебания Василий применил искусственное дыхание, но все было тщетным. "Почему преступник, а может и не один, не удосужился надежно спрятать свою жертву, – подумал капитан. – Либо ему помешали, либо

был уверен, что не оставил никаких следов и следствие до него никогда не доберется. Каковы мотивы преступления? Ради одного лишь наслаждения? Вряд ли, хотя устоять перед соблазном преступнику, конечно, было нелегко: слишком великолепна и очаровательна потерпевшая.

Это предположение предстоит подтвердить или опровергнуть судмедэкспертизе. Только бы врачи спасли ей жизнь. Впрочем, если преступник хотел удовлетворить свою страсть, для этого не обязательно было совершать насилие. Вечером у гостиницы свои услуги предлагают проститутки. Здесь что-то не так. По-видимому, у неизвестного были серьезные причины, вынудившие напасть на женщину. Похоже на то, что он ее выследил".

Белозерцев с тревогой всматривался в темноту:

"Где же "скорая", черт ее подери. Жизнь человека на волоске". Он обрадовался, когда послышался гул машины, взвизгнули тормоза. И тут с огорчением вздохнул – к ним, освещая камни фонарем, спускались следователь Щеглов, эксперт-криминалист Будченко, и кинолог Дудко с овчаркой Пальмой.

В поиске предметов и вещей, тщательно осмотрели место преступления. За валуном отыскивали пакет с платьем, полотенцем, наручными часами и ювелирными изделиями. С помощью фотовспышки эксперт-криминалист сделал несколько снимков.

– Если она сопротивлялась, а это так, – сказал он. – То единственным средством защиты для нее были зубы, ногти пальцев. Она могла укусить насильника, либо поцарапать. Поэтому нужна проба крови, запекшейся у нее на губах и под ногтями.

Пальма взяла след, но он оборвался у кромки берега. Это наводило на мысль, что преступник воспользовался каким-то плавательным средством.

Наконец прибыла "Скорая помощь". Врач, толстый мужчина в очках со стетоскопом на груди поверх белого халата, встретив укоризненный взгляд Белозерцева, посетовал на "чертовы дороги". Он обследовал девушку, попытался прощупать пульс.

– Как она? – спросил Щеглов. Врач сокрушенно покачал головой. Незнакомку подняли наверх и бережно погрузили в салон и машина, освещая фарами дорогу, уехала в направлении сверкающего огнями приморского города.

Под одним из камней Василию удалось отыскать пакет с надписью "Marlboro". Будченко тщательно осмотрел его, пытаясь обнаружить отпечатки пальцев, но, увы, безуспешно. В пакете находились женские наручные часы "Чайка", махровое полотенце, платье из красно-белой ткани, трусики и бюстгальтер, белые босоножки.

Принадлежность этих вещей потерпевшей не вызывала сомнений. Улик, которые бы навели на след преступника, обнаружить не удалось. Белозерцев понял, что с этим таинственным делом придется изрядно повозиться. Лишь на следующее утро после повторного осмотра места преступления криминалисту с помощью магнита удалось извлечь маленький скол лезвия.

5. Версии Белозерцева

Виктория, которую опознали работники пансионата "Бирюза", умерла на рассвете, не приходя в сознание. Об этом в семь часов утра майору Крупину сообщил заведующий реанимационным отделением, пояснив в оправдание, что она потеряла слишком много крови. Если бы на час–полтора хватились раньше, был бы шанс на спасение. Донорская кровь, стимулятор сердца, другие экстренные средства воздействия оказались бессильными – жизнь ушла из охладевшего девичьего тела. Медэкспертиза показала, что против Корецкой был применен баллончик с газом, ее изнасиловали.

Эта печальная весть, которую Белозерцев больше всего не хотел услышать, огорчила его – и не только, как профессионала, расследующего дело, а просто как человека. Смерть была укором ему, Щеглову, другим сотрудникам, не сумевшим предотвратить это преступление.

Оперативными данными о его подготовке ни уголовный розыск, ни следствие не располагали. И хотя в любом случае можно было найти оправдание, ссылаясь на слабую техническую оснащенность милиции, недостаток сил, горькое ощущение вины не оставляло капитана.

"Что кроется за этим преступлением? – размышлял Василий, лишь полчаса назад прибывший вместе с Щегловым из пансионата "Бирюза" в свой кабинет. – Наивно было бы предполагать, что оно совершено ради одной сексуальной прихоти. Чтобы ее удовлетворить, в городе хватает проституток, не скрывающих свой промысел. Достаточно вечером побродить у отелей, в сквере у драмтеатра А. С. Пушкина, либо у дома отдыха рыбаков. Там экстравагантные юные создания и их тридцати и сорокалетние соперницы поджидают клиентов. А поблизости шныряют сутенеры, содержатели притонов и других злчных мест.

У сотрудников уголовного розыска до них руки не доходят, а ведь именно здесь – самая благодатная среда для преступлений, для растления личности. Набор для этого весьма эффективный – алкоголь, наркотики, токсичные препараты. Давно созрела пора создать милицию или полицию нравов по западному образцу, иначе рецидивы сексуальной революции, порнография, проституция при нищете медицины и угрозе СПИДа отравят генофонд, захлестнут общество, деморализуют его".

Белозерцев явно увлекся в своих рассуждениях. С ним это происходило нередко, когда он стремился осмыслить какое-либо криминальное явление, докопаться до его глубоких корней. Что толку, что сверху срубают сорняки: ведь через некоторое время они вновь прорастают. Так и с преступностью. Два-три десятка человек упрячут за решетку, а на смену им поднимается молодая поросль, еще более изощренная и циничная – и борьба продолжается. Бесконечная карусель. А надо смотреть в корень и устранять социальные причины преступности.

Понимают ли это политики, государственные мужи, которым вверены судьбы людей? Редко. В этом Белозерцев убеждался, когда попадал на совещания, где за рост преступности распекали милицию. Он часто удерживался от реплик, но даже те, что звучали, надолго портили его отношения с начальством. А разве можно молчать, когда тринадцати и четырнадцатилетние девочки торгуют своим телом? И в этом милиция виновата?

Будь в городе другая атмосфера, может, и не пришлось бы Виктории Корецкой так рано расстаться с жизнью. Его угнетало сознание беспомощности, невозможности что-либо изменить, переиначить в случившейся трагедии. Информация работников ГАИ о том, что подозрительных водителей и пассажиров при выезде из города не обнаружено, не принесла утешения. На положительный результат трудно было рассчитывать. В ориентировке значилось, что на лице и руках неизвестного могут быть свежие царапины от ногтей. Вот и все приметы. Ни возраст, ни внешность, ни какие-либо другие отличительные черты и манеры не были известны.

С такими данными обнаружение подозреваемого было равнозначно поиску иглы в стогу сена. Осмотр номера в пансионате "Бирюза" не прояснил ситуацию. Комнату опечатали до приезда Алекса. Инспекторам ГАИ, другим сотрудникам милиции, задействованным в блокировании города по плану "Перехват" оставалось надеяться на профессиональную интуицию и удачу, либо на случайность, малейшую оплошность подозреваемого. Шанс на такой исход дела был мизерный.

Белозерцев, по натуре прагматик, отдавал предпочтение принципу кропотливой, настойчивой проработки множества версий. После полудня ему позвонил руководитель оперативно-следственной группы по данному уголовному делу майор Щеглов

– Зайди ко мне, Василий, – пригласил следователь. – Из Москвы прилетел муж Виктории. Он находится у меня, надо переговорить. Сообща наметим план действий.

Белозерцев спустился с третьего этажа на второй, где размещалось следственное отделение. Вошел в кабинет. Во главе Т-образного стола сидел Щеглов, а сбоку, в профиль к двери – высокий молодой мужчина. Капитан заметил, как судорожно вцепились его побелевшие от напряжения пальцы в ручку кожаного коричневого "дипломата". Глаза мужчины были красны

то ли от бессонницы, то ли от скупых слез. Щеглов представил Белозерцева, а потом незнакомца:

– Алексей Матвеевич Корецкий.

– Алекс, – поправил тот неуверенно и пояснил. – Так называла меня жена. Ах, Вика, почему ты не послушалась... Я ведь тебя просил.

Он уронил голову, едва сдерживая рыдания. Они не торопили его, сочувственно глядя на убитого горем человека. На вид ему было лет двадцать шесть – двадцать восемь. Модно, аккуратно одет в светлый костюм и желтую сорочку с узким галстуком. Его праздничная одежда резко контрастировала с душевным состоянием.

– Простите, – виновато выдавил из себя Алекс. – Это так больно, невыносимо. Я, я ... только я виноват, что отпустил ее одну. До конца дней своих не прощу себе это.

Плечи Корецкого мелко вздрагивали, и эта дрожь, словно электротоком, пронзило его сильное тело.

– Успокойтесь, Алекс. Горю теперь не поможешь, – Щеглов подал ему сигарету и щелкнул зажигалкой. – А вот найти убийцу мы обязаны, во что бы то ни стало.

– Да, да, – согласился москвич, сделав глубокую затяжку, стараясь дымом подавить спазм в горле.

Щеглов предложил сигарету и Белозерцеву, но тот воздержался, памятуя о том, что дал себе слово курить в редких случаях – ито из оперативных соображений. Следователь закурил сам и пододвинул ближе к Корецкому черную керамическую пепельницу. Выдержал паузу, дал Алексу возможность немного успокоиться, включил японский диктофон и попросил:

– Расскажите мне о погибшей, о ее знакомых. Может, в последние дни ее что-то серьезно беспокоило? Я понимаю, воспоминания для вас мучительны, но это необходимо следствию. Малейшая, на первый взгляд, пустяковая деталь может оказаться существенной.

– Она была очаровательна и недостатка в поклонниках не испытывала, – начал он.

– То, что она красива, бесспорно, – польстил Алексу Владимир и пожалел, потому что тот сбился на эмоции. – Что он с ней сделал, сволочь. Я видел Вика два часа назад в морге. Она словно заснула, но не докричаться теперь до нее. Ее родители не перенесут этого удара. Не сберег... и все из-за этих проклятых торгов. Никому не ведомо, где потеряешь, а где обретешь. Никакие деньги, валюта не стоят жизни моей Вики.

Алекс сжал ладонями виски, словно голова у него раскалывалась от боли. Чтобы вынудить его отвечать по существу, майор решил прибегнуть к жестким вопросам.

– Где вы познакомились с женой? – спросил он.

– Это произошло полгода назад на презентации биржи. Она пришла с двумя подругами по экономическому факультету. Их интересовали проблемы становления рыночной экономики. Там и познакомились. Я уговорил их остаться на неофициальную часть презентации. С того времени стал часто встречаться с Викой, консультировал ее: у меня ведь специальность "экономика и бухгалтерский учет".

– Она была свободна? – подал голос Белозерцев.

– Не совсем. Накануне у нее произошла размолвка с однокурсником, настойчиво ухаживающим за ней. Его зовут ... Денис Алтухов.

– Похоже, он не смирился с тем, что она его оставила?

– Нет, конечно, нет, – отозвался на вопрос москвич. – Я могу понять его состояние, душевные муки. Но дело в том, что не мы женщин выбираем, а они нас. Вика выбрала меня. Искренне благодарен ей за счастье, которое она мне подарила. Горько сознавать, что это уже никогда, никогда не повторится. Я не услышу ее голос, не почувствую нежный взгляд... Как все в этом мире хрупко и жестоко...

Корецкий надолго замолчал, и только следующий вопрос следователя вернул его из забытья:

– Вы не ответили, как отреагировал Алтухов?

– У нас по этому поводу состоялся мужской разговор, – ответил Алекс. – Правда, обошлось без крови. Но я знаю, что Алтухов вместе с друзьями собирался меня проучить. Я был готов драться за Вику, но ей удалось отговорить Дениса от этой акции, и скандал не состоялся. Он бы мне, конечно, навредил, ведь репутация в бизнесе многое значит. Не дай Бог, еще попадет в прессу и считай, что делу – труба.

– А не мог соперник из чувства ревности, мести надругаться над Викой и лишить ее жизни, чтобы никому не досталась? – предположил Щеглов. Корецкий неопределенно пожал плечами.

– Ты, Василий, – майор обратился к Белозерцеву, – на всякий случай сделай запрос. Узнай, где находился Денис Алтухов накануне и в ночь совершения убийства. Нельзя исключать и этот вариант. Верно, ведь говорят: чужая душа – потемки.

– Вика кроме учебы ничем не занималась? – поинтересовался Белозерцев и, заметив, что Корецкий превратно его понял, пояснил. – Например, бизнесом, фарцовкой. На стипендию ведь не проживешь. А девушке надо модно одеться, в кафе, театр сходить.

– Я считал не этичным у нее об этом спрашивать, – ответил Алекс. – От ошибок молодости никто не застрахован. После того, как нас свела судьба, Вика материальных трудностей не испытывала. Я не понимаю мужчин, которые не могут обеспечить материальное благополучие семьи и невольно подталкивают жен на панель.

– Не всем ведь быть бизнесменами, банкирами и братвой, – возразил Белозерцев. – Некому будет добывать сырье, выпускать продукцию, и биржи долго жить прикажут.

– Каждому свое, от судьбы не уйдешь, – философски произнес Корецкий. Слово вернуло его к реальности и, словно осколком льда, кольнуло сердце: "А ведь я не ушел от своей судьбы. Вика, Вика, солнышко мое, где сейчас обитает твоя нежная душа?"

– Где вы остановились?

– В пансионате "Бирюза". У нас семейная путевка.

– Когда вы в последний раз разговаривали с женой?

– Вчера. Примерно в 18 часов.

– Утром в присутствии понятых и с санкции прокурора мы осмотрели номер, в котором поселилась Корецкая, – сообщил ему следователь. – Попытались выяснить мотивы преступления. Понимаете, момент весьма деликатный, рытье в чужих вещах мало кому доставляет удовольствие. Могли что-нибудь проглядеть. Так что вы все тщательно проверьте. Если вдруг найдете вещь или предметы, в принадлежности которых сомневаетесь, информируйте нас. Сколь долго вы намерены пробыть в городе?

Этот вопрос застал Корецкого врасплох. По тому, как он озадаченно поглядел на офицеров, нетрудно было понять, что все его мысли поглощены трагедией. Маска скорби тенью напозла на его лицо.

– Срочно надо отправить Вику домой, – прошептал он. – Попрощаться с ней и предать земле.

– Да, мы вам поможем отправить тело, – сказал Владимир.

Алекса покорило это бесполое слово "тело", словно речь шла о предмете. Его милая, славная, ласковая женушка, которую он бережно обнимал и целовал два дня назад, превратилась в тело, холодное и неподвижное. И никакой колдун или экстрасенс не способен ее оживить и поднять.

– После похорон я вернусь и не уеду отсюда, пока не найду убийцу, – с лихорадочным блеском в глазах твердо произнес Корецкий. – Кровь Вики требует мщения. Насильник не уйдет от возмездия. Если этого не сможете сделать вы, сделаю я. Это мой долг.

Решительность и твердость, сквозившие в его словах, ни у Щеглова, ни у Белозерцева не вызвали сомнений в том, что он не отступит от своей цели. Тревожило другое обстоятель-

ство: ослепленный жадой мести, Алекс может наломать немало дров, выместить свой гнев на невинных людях, либо сам угодит в сети преступника. Следовало охладить его пыл.

– Носила ли Вика с собой какие-нибудь украшения или эксклюзивные вещи? – ровным голосом спросил Василий.

– Да, кулон на золотой цепочке, обручальное кольцо и наручные часы "Чайка".

– Мы обнаружили их в пакете на месте преступления, – сообщил капитан. – Наверное, насильник его не заметил или не успел похитить. Спугнули, либо цель у него была другая. Но надругаться над Викой успел, несмотря на ее отчаянное сопротивление.

– Зачем, зачем она сняла с пальца обручальное кольцо, ведь это плохая примета? – с горечью прошептал Корецкий, хотя прежде не отличался суеверием и к приметам и сновидением относился снисходительно и попросил. – Я, только я виноват в ее гибели. Зачем я ее отпустил одну? Никакие деньги, блага и удовольствия не стоят ее жизни. Будьте добры, могу ли я взять ее вещи. Поймите, я не меркантилен, они для меня очень дороги, как память о жене?

– Очень вас понимаю и глубоко сочувствую. После задержания преступника, завершения следствия и судебного приговора, – ответил Василий. – А пока они представлены в качестве вещдоков. Не волнуйтесь, все личные вещи вашей супруги будут возвращены

Удовлетворившись ответами москвича, капитан посмотрел на Щеглова: мол, твой черед задавать вопросы.

– Я просил бы вас не предпринимать самостоятельных действий, – жестко, официальным тоном потребовал следователь. – О своих подозрениях и намерениях ставьте нас в известность. В противном случае мы вынуждены будем позаботиться о вашей изоляции. Мне бы не хотелось прибегать к такой мере. Ясно?

– Ясно, – хмуро, с явным неудовлетворением ответил Корецкий и отвел мрачный взгляд в сторону.

– Вот и договорились. А по поводу транспортировки гроба я дам распоряжение. Вам помогут. Если потребуется, мы вас вызовем. И последний вопрос, если не возражаете. Почему ваша жена приехала одна, ведь у вас семейная путевка?

– На бирже были выгодные торги. Я не смог и теперь за это себя казню, – с заметным раздражением ответил он.

Видимо, этот вопрос был для него неприятен, поскольку Алекс ощущал вину за происшедшее. Будь он рядом с женой, не пришлось бы отвечать на вопросы следователя.

– Вы свободны, – сообщил Владимир и выключил диктофон. Корецкий поднялся и неуверенной, чуть пошатывающейся походкой направился к выходу. Дождавшись, пока за Алексом закрылась дверь, Щеглов с явной досадой проворчал:

– Гляди, и он туда же – частный сыск. Мечь, кровь за кровь. Не нравятся мне эти домогательские детективы. Только под ногами будет путаться, создавая проблемы. Не прав я, что ли?

– Судя по всему, намерения у него серьезные, – ответил Белозерцев. – Человек волевой, держался с достоинством. Хотя на его месте другой бы раскис и побежал в кабак заливать водкой горе. А то, что он собирается сам найти убийцу, укор нам. Значит, сомневается в наших способностях. Поэтому надо в лепешку расшибиться, но отыскать изверга. Ты бы, Володя, как на его месте поступил?

– Не знаю, – уклончиво ответил Щеглов. – Надо ли меняться местами даже теоретически?

– Для него это естественная, я бы сказал биологическая реакция – отомстить за любимого человека.

– Ну, прости меня, Василий. Ты что, за правовой нигилизм? Так можно далеко зайти, оправдывая самосуды, жертвенные костры и другие изобретения средневековья. Мы с тобой живем в другое время. Закон и только закон – вот бог правосудия.

– А как же мораль, чувства? Нельзя закон возводить в абсолют. Его ведь тоже сотворили люди, а им свойственны ошибки. Поэтому и законы нередко грешат против истины. Особенно,

статьи из Уголовного кодекса. За одно и то же преступление суд может приговорить человека по максимуму, а может и по минимуму. Это ли не лазейка для злоупотреблений, коррупции, взяток?

– Пусть об этом болит голова у законодателей – депутатов, а мы с тобой практики, – не нашел лучшего ответа Щеглов. – Наше дело ясное: найти и обезвредить. И давай от дискуссии на абстрактную тему перейдем к конкретике. А за Алексом ты все же смотри, чтобы потом не пришлось расплачиваться за его самостоятельность. Итак, что мы имеем в своем активе?

Следователь перелистал начатый том уголовного дела. В папке были аккуратно подшиты постановление о возбуждении уголовного дела по статьям 101 и 117 УК по факту гибели Корецкой Виктории Андреевны, уроженки г. Люберцы Московской области, протоколы допросов свидетелей из числа администрации пансионата, акты осмотра места преступления, суд-медэкспертизы и т. д.

– Итак, что мы имеем? – повторил Владимир и сам же себе ответил:

– Не густо. Криминалист не ошибся – девушка отчаянно сопротивлялась. Под ногтями обнаружены сгустки крови, принадлежащей, видимо, насильнику. Иначе откуда она взялась? Анализ показал, что у неизвестного кровь третьей группы, резус отрицательный. У Корецкой она второй группы, резус положительный.

– И это все? – нарушил паузу Белозерцев.

– Нет, не все. Подтвержден факт изнасилования и применения против потерпевшей баллончика с газом. Каких-либо отпечатков, кроме отпечатков пальцев самой Корецкой, не обнаружено. Вены девушки были перерезаны лезвием "Нева". Теперь, пожалуй, все.

– С такой фактурой мы не скоро выйдем на след, – огорченно заметил Василий. – Десятки тысяч мужчин надо будет подвергнуть обследованию на идентичность крови и спермы. А выявить можно только по первому фактору, поскольку второй в медицинских картах отсутствует. Гигантский труд, и не исключено, что сизифов. Ведь по группам крови и ее компонентам возможно совпадение.

– И где гарантия, что подозреваемый субъект не иногородний, – развил мысль Белозерцева Щеглов.

– Этот путь, пожалуй, заведет в тупик, – согласился Василий. – А теперь поразмыслим над информацией Корецкого. В первый раз в бухту Синее Око женщина пошла купаться 14 июля, в день приезда в город. Там она, по словам Алекса, слышала странные мужские голоса. О чем они переговаривались, останется загадкой. Но так как Вика не решилась передать суть их разговора по телефону, значит, опасалась, что ее могут подслушать. Поэтому можно предположить, что в случайно услышанном ею разговоре речь могла идти о каком-то противоправном деянии. Возможно, своим присутствием она помешала его совершить.

– Вполне логично, – поддержал Владимир. – Но зачем она пошла и на следующую ночь? Ведь другая девушка на ее месте, тем более что ее просил об этом Алекс, остереглась бы идти одна. Не поверю, чтобы ночные купания были столь притягательны.

– Может быть, до приезда Алекса она решила самостоятельно еще раз побывать в бухте и убедиться в своих предположениях. Одним словом, ее чрезмерное любопытство стало для кого-то серьезной помехой либо угрозой разоблачения.

– Чем тогда объяснить изнасилование?

– Очень просто, – усмехнулся Белозерцев. – Какие мысли возникают у мужчины, тем паче с криминальными наклонностями, когда он видит обнаженное красивое женское тело? Овладесть, насладиться по праву хищника – инстинкт наших древних предков. А погибшая была восхитительна, вряд ли кто устоял бы перед соблазном.

– А было ли это изнасилование? Может, обоюдное согласие? Во всяком случае, в начальной стадии, до того, как злодей перерезал ей вены, – засомневался Щеглов. – Ведь все вещи, в том числе трусики, бюстгальтер, аккуратно сложены в пакет, без всякой спешки.

– Для меня это тоже остается загадкой, – признался Белозерцев. – Почему она решила купаться, в чем мать родила. Такие "дети порока" обитают в районе сел Юркино и Борзовка. Имей в виду, что против нее был применен газ. В полуобморочном состоянии ею легко было овладеть.

После минутного молчания Василий, как бы подводя итог своим размышлениям, сказал:

– Действительно, это могло происходить так. Трусики и бюстгалтер в пакете были совершенно сухие. Либо она купалась нагишом, либо нам не удалось обнаружить ее купальник. Предположим первое. Тогда в том случае, если бы в бухте появился кто-то чужой, она попыталась бы уплыть и скрыть свою наготу. Могла выйти, только услышав знакомый голос. Вообще версию с Алтуховым следует проверить. Выглядит вполне правдоподобно. Несчастливая любовь, ревность, месть и состояние аффекта. Все бы так, но есть одна заковыка. Зачем ему уходить по воде? К тому же для этого надо иметь какое-нибудь плавательное средство. След, который взяла Пальма, вывел прямо к воде. Овчарка ошибиться не могла, слишком свежо было преступление. Успей мы на час раньше, и могли бы спасти Вику. Жаль девчонку. Теперь надо подумать, как бы другие в силки не попали. Свежая кровь пьянит насильника, как волка.

Щеглов, внимательно слушая Белозерцева, предложил:

– Надо проверить, какие плавсредства находились в акватории бухты в момент совершения преступления. Далеко преступник уплыть не смог бы, кто-то взял его на борт. Поручи своим ребятам из угрозыска, пусть основательно займутся проверкой. А я попрошу уполномоченных из отдела по борьбе с экономическими преступлениями проследить, нет ли на рынке или в скупке похищенных у Вики золотых вещей. Алекс бы их опознал. Хотя сомневаюсь в успехе. Если действовал матерый преступник, он на такую удочку не попадется.

– Ты не допускаешь мысли, что у Алекса могла быть причина, чтобы избавиться от жены? – выдал неожиданную версию Белозерцев. – Возможно, в прошлой ее жизни он обнаружил такие факты, которые бросили тень на их отношения, компрометировали девушку, и между ними пробежала черная кошка. Мы, по сути не знаем, о чем они говорили по телефону, а пересказ Алекса невозможно проверить. Миф о странных мужских голосах он мог придумать.

– Ну и что? – торопил его Владимир.

– Алекс при его брокерских замашках мог легко избавиться от жены, наняв за большие деньги убийцу. Даже из числа своих близких друзей, которых она могла узнать по голосу. Сам же Алекс придумал повод, чтобы на день-другой остаться дома, пока осуществится коварный замысел. Убийца же выследил девушку и ночью пошел за ней в бухту. Ничего не подозревавшая Вика откликнулась на его голос и вышла из воды. Он воспользовался ее доверчивостью и беспечностью.

В эту версию вполне укладывается и ситуация с вещами. Алекс, точно знал, когда осуществится замысел, обеспечил себе алиби. Позвонил нам в милицию, сославшись на свое предчувствие, на голоса, о которых якобы ему сообщила жена. Ловко, да? Нам бы такую интуицию. Правда, он рисковал, замысел мог сорваться. Но ведь он привык рисковать на бирже. Даже в этом случае ему не грозило разоблачение, напротив, он бы предстал спасителем своей жены.

– Если это так, то он чудовище! – воскликнул Щеглов. – Ну, ты, Василий, мастер версии сочинять. Книжки по ночам не пишешь? Однако все сходится. Пошли-ка ты лейтенанта Горяева в столицу. Он парень смывленный, пусть прощупает почву на бирже. Вдруг Алекс, действительно, темнит и хочет нас обвести вокруг пальца. А эта Вика, от которой ты в восторге, тоже себе на уме была. Ты только почитай, какого о ней мнения граждане, отдыхающие в "Бирюзе".

Следователь нашел протоколы с показаниями свидетелей.

– Чего только стоят эпитеты "она высокомерная, чужим мужьям "строила глазки". Хороша пигалица?

– Брось, Володя, ты плохо знаешь женскую психику, – возразил капитан. – У тебя односторонняя информация, к тому же женская. А что говорят отдыхающие от трудов праведных мужчины?

Следователь беспомощно развел руками.

– То-то и оно, – набрал очки Белозерцев. – Надо учитывать контингент пансионата – выхоленная номенклатурная элита. Корецкая среди них оказалась благодаря связям Алекса, которому стала доступной светская сфера. Как могли отцветавшие дамы с пышными формами потерпеть возле себя такое очаровательное создание, как Виктория, попавшая в центр внимания благодаря своей красоте, а не дорогим нарядам и бриллиантам. Какой, даже лысеющий или лысый, чиновник устоит перед красотой, перед свежестью молодости?

Вот старые дамы и всполошились, почуяв сильную соперницу, нарушившую их благопристойный покой, уязвившую их честолюбие. Долго в их среде при массированном психологическом прессинге она все равно бы не выдержала. Только приезд Алекса был спасением. Так то оно, друг. Поэтому достоверность их показаний весьма сомнительна. Женщина – существо загадочное, импульсивное. Надо учитывать обстоятельства, когда и что она говорит. Мужчины, я в этом уверен, были бы о Корецкой противоположного мнения.

– Но это противоречит твоей предыдущей версии относительно Алекса! – вспыхнул Владимир.

– Я не настаиваю на ее достоверности. Гипотеза, предположение всего лишь. Но согласись, весьма правдоподобная, заслуживающая разработки, – парировал Василий, озадачив своего коллегу.

6. Свидание с Викой

Корецкий, возвратившись из отдела милиции, взял ключ от номера в пансионате "Бирюза". Симпатичная блондинка, сменившая администраторшу, с которой Алекс повздорил по телефону в прошлый вечер, сочувствующе, с печалью в глазах, поглядела на него. В пансионате только и разговоров, что о загадочном убийстве молодой смазливой кокетки. Степенные дамы с глубоким декольте в одночасье превратились в потешных девок, охочих до сплетен и пошлых анекдотов. Они обсуждали в своих меблированных номерах, в холле, и смерть москвички в их воспаленном мозгу обрастала невероятными обстоятельствами. Непременным действующим лицом всех вариаций был любовник, погубивший гордую москвичку и сам, вероятно, утонувший в море.

При появлении Корецкого сплетницы замолкали, как провинившиеся школьницы перед строгим взором учителя. Краем уха услышанное грязное слово о жене ранило его сердце. Сдерживая себя, чтобы не сорваться, быстро проходил мимо. Он искал уединения, стараясь забыть этот кошмар. С потерей жены в период медового месяца мир для него потускнел, утратил свои радостные звуки и яркие краски, и в нем самом словно оборвалась струна, еще недавно звучавшая от прикосновения теплых женских рук, хмельных губ...

Корецкий машинально открыл ключом дверь номера и запер ее изнутри на два оборота, словно хотел надежнее отгородиться от остального мира, не сумевшего уберечь его возлюбленную. Но и здесь, в уютной комнате, его душа не находила успокоения: она металась как дикая птица в клетке. Алекс положил на стол "дипломат" и прошел в спальню. Большой чемодан с Викиными вещами и спортивная сумка, так и остались не распакованными. "Как же так, был человек, смеялся, радовался жизни, и вдруг его не стало. Куда все делось, куда ушло? – мучительно размышлял Алекс, не желая примириться с жестокой реальностью. – Вика, дорогая моя, как жить дальше? Подскажи".

Он подошел к кровати, увидел вмятину на покрывале, повторявшую силуэт женской фигуры. Бережно очертил его рукой, словно стараясь сблечь тепло жены. Уткнулся лицом

в покрывало, и долго сдерживаемые рыдания сотрясли его тело. Упал коленями на коврик, словно просил прощения у жены, сознавая, какая непреодолимая пропасть разделяет их. Сейчас он искренне хотел, чтобы существовала загробная жизнь и их так рано разлученные души могли встретиться. От человека остается только корм для червей? – ужаснулся он этой истине, над которой прежде не задумывался. – Но ведь это жестоко и несправедливо. Зачем тогда человеку это временное пристанище на земле?"

И не находил ответа. Голова разболелась, словно ее стягивали раскаленные обручи. "Так можно сойти с ума. Надо чем-то занять себя, – пришла спасительная мысль, Алекс вспомнил. – В милиции попросили, чтобы я тщательно осмотрел Викины вещи".

Открыл дверцу встроенного шкафа. На плечиках висела белая с кружевным воротником и узорной отделкой на груди блузка, сиреневый халатик с узким пояском. Алекс порылся в его широких карманах, в одном из которых лежали солнцезащитные очки.

Вспомнил, что на внутренней стороне халата жена пришила потайной карманчик для мелких безделушек. Пальцами он проник в этот карманчик и нащупал там сложенный листик бумаги. Очередной рецепт какого-нибудь заморского блюда. Вика их коллекционировала для своих кулинарных экспериментов, предположил Алекс и ошибся. Это была квитанция на фотографию. Вверху значилась фамилия мастера "Левон Семенович Хачатур. Индивидуальная трудовая деятельность (ИТД). Дата заказа 15 июля, срок выполнения – 17 июля."

"Сегодня шестнадцатое, – подумал Корецкий. – Значит, завтра фото будет готово. Он, по-видимому, принесет их на пляж, где снимал Вику. Но ее там не будет..." И вновь пронзительная боль подступила к сердцу. Выронил из ослабевших пальцев квитанцию, белой бабочкой спланировавшую на палас. Перед затуманенным взором Алекса вдруг воочию предстало холодное, как огромный склеп, помещение морга на окраине города, куда он утром добрался на такси. Его поразил внешний, неказистый вид ветхого здания. Жуткий мороз пробежал по коже, когда он вошел внутрь помещения. Алекс впервые в жизни посещал подобного рода учреждение и чуть не упал в обморок. Острый запах формалина, смешанный с запахом спирта, привел его в чувство.

Беглым взглядом Корецкий скользил по помещению. На оцинкованных длинных столах лежали обнаженные тела покойников. В животе одного из них, не обращая внимания на вошедшего, орудовал скальпелем врач – патологоанатом, грузный мужчина лет пятидесяти. Рукава его черного халата были закатаны по локти. Возле него, послушная зычным, отзывавшимся эхом, указаниям, суежилась дряблая, высокая как жердь, санитарка с большим красным носом. Наконец врач поднял голову и увидел незнакомца. Не спеша, вытер окровавленные перчатки о ветошь и подошел.

– За кем пожаловал, любезный? – жарко дыхнул он на Алекса стойким спиртным перегаром, настороженно глядя из-под выпуклых толстых линз очков: "Не ревизор ли? Выгонят? Так какой черт пойдет сюда работать, чтобы всю ночь покойники мерещились. Это я здесь, как проклятый, увяз". Но в следующий миг увидел растерянное, даже испуганное лицо посетителя и определил: "Нет, не ревизор, да какой ляд ему здесь надо? У меня приписок нет. Сколько трупов получил, столько и выдал под расписку. Бухгалтерия в одном лице. Может, лимит на спирт урежут, так тогда здесь ни меня, ни Матрену никто не удержит. Только спирт и спасает. Какой это к лешему ревизор: ни наглости, ни суровости, так себе – интеллигент слабохарактерный", – рассудил врач.

– Кто здесь у тебя? Мать, теща, брат, сват? – грубовато спросил он у Алекса. – Да, живет отвечай. Недосуг, меня работа ждет, еще три трупа на вскрытие.

– Жена, – выдавил из себя Корецкий.

– Же-на-а? – удивился врач. – Ты еще молод, чтобы жену оплакивать. Может ее онкология или СПИД подкосили?

– Сегодня утром к вам доставили девушку, Вику Корецкую, – неожиданно резко перебил его Алекс, решив наконец, что только на таких тонах и воспринимается речь в этом пронизанном холодом и смрадом помещении. – Я хотел бы ее увидеть.

– Да, очень милое создание, бедняжка, – посочувствовал врач. – Пройдите сюда, пожалуйста, она здесь, в углу. Матрена, живо принеси халат посетителю!

Из глубины помещения длинной тенью метнулась санитарка и набросила на плечи Корецкого застиранный, протертый на локтях халат.

– У нас здесь строго насчет посещений, – сообщил врач. – Но для вас я делаю исключение. Соболезную, такой дикий случай...

Алекс молчаливо прошел к отдаленному столу в зыбком полумраке и увидел во всей наготе родное тело Вики. Каштановые волосы были все так же роскошны и пушисты. Казалось, они не доступны тлену. Лицо было мраморно-белым, с заострившимся носом, веки закрыты. По бокам лежали белые плети рук с восковыми пальцами. На губах с запекшейся кровью застыла блуждающая улыбка.

К большому пальцу ноги была привязана бирка с фамилией. Еще несколько суток назад, перед отъездом Вики на юг, он с упоением ласкал это ныне безжизненное тело, испытывая пик блаженства во время соития. Они мечтали о продолжении медового месяца в Керчи Алексу стало не по себе, грудь сдавили тиски страданий и он отвел взгляд. "Слава Богу", – прошептал он, видя, что острый нож врача еще не коснулся женского тела, красоту которого и смерть не могла уничтожить. На шее увидел укусы и рану, а на груди, животе и коленях были заметны синяки и ссадины.

– Изверг, злодей, – Алекс наклонился к ее изголовью. – Вика, клянусь – я найду убийцу и отомщу за тебя...

Ему показалось или это была галлюцинация возбужденного воображения, что жена улыбнулась ему. Он поцеловал ее в лоб, и ледяной холод сковал его губы.

– Накройте, накройте ее простыней! – в отчаянии закричал Алекс и чуть тише добавил. – Ей холодно...

Его крик эхом отозвался под высокими сводами. Врач выронил скальпель, и он со звоном ударился о каменный пол. Матрена вытаращила на Корецкого хмельные глаза, словно соображая, кого слушаться.

– Принеси простыню, – приказал ей врач. Алексу уже ничего не было нужно. Он осознал утрату во всей ее трагичности и непоправимости. До встречи с Викторией он еще сомневался, словно речь шла о ком-то постороннем. Но здесь, на грубом оцинкованном столе, лежало его солнышко, его жена, с которой они в первую брачную ночь поклялись друг другу быть верными и прожить долгую счастливую жизнь.

К горлу подступил комок, ноги подкосились, но врач вовремя успел подставить табуретку, и Алекс опустился на нее. Врач прошел за перегородку, принес два стограммовых стакана и один подал Корецкому. Переломил пополам плавленый сырок.

– Выпей-ка спирта, легче станет, – произнес он участливо. – Меня кличут Иннокентием, а помощницу Матреной. Здесь, братец, насмотришься горя людского, так что, порой, и жить не хочется. Жену твою, царство ей небесное, теперь ничем не поднимешь. А ты молодой, жить и жить. Все пройдет, рана зарубцуется. Время – самый лучший лекарь. Не замыкайся в себе, это может плохо кончиться. Знай, что на людях и смерть красна. Ну, давай, помянем твою горемычную жену....

Он остановил стакан на полпути.

– Вику, Викторию, – напомнил Алекс.

– Вику, царство ей небесное, – повторил врач и одним залпом опрокинул стакан. Корецкий тоже выпил. Почувствовал, как горло обожгло спиртом, на миг перехватило дыхание и на глаза навернулись слезы. Врач молча, сосредоточенно пережевывал сырок. Матрена тем вре-

менем принесла белоснежную простынь и аккуратно накрыла ею покойницу. Алекс обернулся: на столе белым сугробом жутко белел саван – последнее одеяние для его любимой жены.

– Нас здесь ничем не испугаешь и не удивишь, много горя и слез повидали. Привыкли к чужим страданиям, – продолжил патологоанатом. – Но, когда привезли твою жену, то без боли и содрогания на нее невозможно было глядеть. В белом, как мрамор, лице ни одной кровинки, тело, ноги, руки, грудь в гематомах, ссадинах и кровоподтеках, живого места нет. В страшных муках приняла смерть, оборвалась жизнь на самом взлете. Какой-то зверь растерзал, растоптал нежное создание. Эх, коротка и хрупка человеческая жизнь. Сколько уже в бездну провалилось... Несмотря на клятву Гиппократ и заповедь «не навреди», попадись мне в руки коварный душегуб, то исполосовал бы его скальпелем. Он ведь не только убил женщину, но и поглумился..

– Знаю, – с трудом выдавил из себя Корецкий. – Я найду и покараю насильника.

– Мы твою женушку не обидим, не пожалеем для нее пудры, тонального крема, губной помады и румян, – нетерпеливо вклинившись в разговор, пообещала Матрена. – Обмоем и загримируем все ссадины и порезы, поддуряним лицо, и будет спящей красавицей.

– Соблюдайте меру, чтобы не превратилась в расписную куклу-матрешку, – попросил москвич, опасаясь, что Матрена может переусердствовать.

– Не волнуйтесь, она в этом деле собаку съела, – успокоил патологоанатом. – Сколько трупов через наши руки прошло и от их родственников лишь благодарности и презенты за услуги.

Алекс расценил его слова, как намек и тактично спросил:

– Сколько вам за услуги? – не дождавшись ответ, расстегнул портмоне и протянул две стодолларовые купюры.

– Уважаемый, вы меня не так поняли, – смутился Иннокентий, отклонив его руку. – На чужом горе грех наживаться. Разве, что чисто символически, как дань традиции, бутылочку «Старки» или «Перцовки» и какой-нибудь харч, чтобы помянуть убиенную. Будешь забирать тело, тогда и помянем.

Отказались они и от рублей. Тогда Корецкий решил в следующий раз наведаться в морг с бутылкой дорогого коньяка и богатой закуской.

– Для твоей женушки подыщу в подсобке приличную одежду, – пообещала Матрена.

– Не надо чужие обноски. У Вики в номере пансионата целая коллекция платьев и блузок, – тихо произнес Алекс.

– Обязательно принесите, я ее переодену, – велела женщина. – Чужого горя не бывает. К Виктории я отнесусь, как к дочери. Жаль, что Господь отмерил ей короткий срок.

– Не Господь, а злодей, – возразил Корецкий. – Он не уйдет от возмездия.

– Не падай духом, крепись, будь мужчиной. Удары судьбы надо переносить стойко, – напутствовал Иннокентий. – Хочешь, сам мне позвони, когда приедешь за телом. И давай без всяких формальностей, я – человек простой.

Корецкий пожал мясистую руку Иннокентия и торопливо вышел на воздух. Глубоко вздохнул грудью, словно хотел быстрее избавиться от запахов, пропитавших его одежду. Но они стойко держали его в своих холодных лапах. Водитель такси, когда Алекс сел рядом, брезгливо шмыгнул своим верблужьим с широкими ноздрями носом.

"Тело, тело, тело..." – всю дорогу молоточком стучало в виске Алекса. Все увиденное отчетливо всплыло в его сознании. Понял, что от этой картины ему уже не избавиться до конца своих дней. После свидания с Викой в морге ему казалось, что время остановилось или тянется, как старая арба по пыльной дороге, медленно и монотонно. Но время, вопреки его душевным переживаниям, текло все также бесстрастно и ритмично, согласуясь с законами гравитации.

Часы над кроватью в спальне показывали 17.28. Врач просил подвезти одежду для Вики", – вспомнил он и наклонился над чемоданом. Расстегнул замок-молнию, откинул крышку. В глаза ударило разноцветье нарядов.

"Рядом с тобой я хочу быть красивой..." – словно наяву, услышал он милый голос. Вновь защемило сердце. Он действовал безотчетно, теребя руками складки тканей. Перебирая блузки, платья, юбки, представляя жену в каждом из этих одеяний. Он запомнил ее и в этой лиловой с фиолетовыми подпалинами блузке и в ультрамариновом платье, красиво облегавшем ее стройную фигуру, и в короткой джинсовой юбке с серебристо сверкающей вышивкой.

Отчаянно сгреб руками несколько платьев и бросил их. Разноцветным веером они опустились на палас. "Зачем все это теперь? – думал он, отрешенно глядя на раскиданные вещи, хранящие прикосновения ее рук, запахи ее любимых духов. – Какая жестокая несправедливость! Вещи остались, а Вики нет, никогда-никогда уже не будет".

Алекс долго не мог выбрать платье. Потом решил, что лучше всего подойдет вечернее темно-синее. Для нее теперь все обратилось в небытие, в крошечную ночь. Он понял, что в морг опоздал и отложил визит в это мрачное заведение до утра.

Его мысли перекинулись на другую проблему – как психологически подготовить к страшному известию ее родителей. "Конечно же, смерть Вики огорчит отца, с которым она ладила, а вот мать, хоть и прослезится, в душе обрадуется неожиданной развязке. Через некоторое время подыщет ему состоятельную невесту или вновь на все лады начнет расхваливать Эльзу Френкель, дочь-перестарку своей подруги", – размышлял Алекс. В том, что будет именно так, он не сомневался. Не материнское ли проклятье сошло на Вику? – поразила его внезапная мысль. – Нет, это уж слишком. Мать не могла желать мне горя, зная, как сильно я ее люблю".

Он постарался быстрее избавиться от этой навязчивой мысли. Куда сложнее будет сообщить о горе Викиным родителям. Корецкий ломал голову над тем, как это лучше сделать, чтобы их не хватил удар. После долгих сомнений решил, что своим родителям о случившемся он сообщит срочной телеграммой, а ее родителей известит по прибытии домой, чтобы лично утешить в тяжелые минуты.

Алекс собрал в чемодан разбросанные платья, вышел в гостиную. Включил телевизор, но бодрящая музыка резанула слух, и он нажал кнопку выключателя. Сидя в кресле, расслабился, запрокинул голову, закрыл глаза. Минуты три сидел неподвижно, стараясь ни о чем не думать. Но это оказалось невозможным, мозг не подчинялся его воле. Тогда он открыл глаза. Взгляд упал на входную дверь. Ему почудилось, что ключ в замочной скважине провернулся, и он замер в ожидании. Сейчас дверь распахнется и на пороге покажется жена. Утомленная, но с улыбкой на капризных губах, скажет: "Прости меня, дорогой Алекс. Я задержалась. Ты не обижаешься, правда?"

"Это какое-то наваждение. Совсем расшатались нервы, – прошептал он и, словно отгоняя призрак, провел перед глазами ладонью. – Иннокентий прав, надо развеяться, затеряться, раствориться в толпе. Скорее отсюда, где в каждом углу грезится жена". Алекс продолжал сидеть в странном оцепенении, не в состоянии пошевелить рукой.

Ему стало страшно одному в осиротевшем номере, хотелось дико завывать. Спазмы сдавили горло, и из груди вырвался лишь слабый стон. Нужен был повод, уйти из номера, но так, чтобы это не выглядело паническим бегством и трусостью. Иначе бы его извели угрызания совести. Алекс вовремя вспомнил о квитанции, лежащей в спальне на паласе. "Надо обязательно встретиться с фотографом и попросить, чтобы сегодня же отпечатал снимок, какую бы цену он ни запросил, – решил Корецкий. – Завтра будет не до этого. Предстоят хлопоты с транспортировкой гроба. Это последнее фото Вики сохранит о ней светлую память". Поднялся, положил в квитанцию в карман и вышел из номера. Ключ прихватил с собой, чтобы в его отсутствие никто не проник в комнату. Его раздражало чрезмерное внимание посторонних людей.

7. Встреча с Матильдой

Первым делом Корецкий отправил домой срочную телеграмму. Ее страшный текст заставил миловидную телефонистку вздрогнуть. Она подняла на Алекса испуганные васильковые глаза, но удержалась от вопроса. Очевидно, и до нее докатился слух об убийстве в бухте Синее Око. Возможно, девушка слышала утреннее экстренное сообщение милиции по городскому радио с просьбой оказать помощь следствию. Но вероятнее всего скорбные глаза Алекса убедили ее в достоверности телеграммы, в отсутствии подвоха. Корецкий расплатился и пошел к выходу. Девушка проводила его грустным сочувствующим взглядом.

"Искать фотографа в это время на пляже бесполезно, – подумал Алекс. – Видимо, он снимает клиентов в первой половине дня, а во второй печатает фото. Во всяком случае, вечером его легче застать дома". Такой вариант показался ему убедительным.

На улице было оживленно. Двигались беспечные прохожие, загорелые и веселые. Сверкали освещенные витрины магазинов, бегущие строки рекламы. Алекс остановил такси, открыл дверцу. Молча сел рядом с водителем, разбитным парнем лет двадцати пяти с узенькой щеточкой усов на добродушном лице.

– Куда прикажешь доставить? – спросили его веселые глаза. Алекс вместо ответа показал квитанцию.

– А-а, к дяде Леве, – кинул водитель беглый взгляд, даже не вчитываясь в текст. Переключил скорость и отпустил педаль сцепления. "Волга" тронула с места.

– Известная личность этот фотограф? – поинтересовался Корецкий.

– Конечно, известна, – улыбнулся парень. – Его в городе каждая собака знает. Компанейский мужик. Забавный. Оптимист по натуре. Он в своей Матильде души не чает.

– Жена, что ли?

– Кто? – удивился водитель.

– Матильда?

– Ну, ты даешь. Приезжий, наверное? – рассмеялся парень. Алекс утвердительно кивнул головой.

– Бабы у Левы нет, умерла три года назад. А Матильда – это обезьянка. Ему кто-то из рыбаков из Луанды привез. Соображаешь?

Корецкому не понравилось это запанибратское обращение на "ты". В его лексикон прочно вошли благозвучные "дамы и господа", и прочие выражения, но он не поправил водителя. Настроение и без того было мрачное, подавленное. Разговор он поддержал только для того, чтобы отвлечься от собственных горестей, раскалывавших череп.

Проколесив по загруженной транспортом улице и выбравшись из плена светофоров, "Волга" свернула в узенькую старую улочку на окраине города. Почти приткнулась носом в ворота. За ними Алекс увидел опрятный одноэтажный дом с двумя окнами, выходящими на улицу.

– Вот Левин коттедж, – с иронией произнес водитель. – Кого он только не снимает – и писателей, и артистов, и певцов, а живет скромно. Видишь, какая хилая избушка на курьих ножках. Я бы на его месте деньги лопатой загребал...

– Подождите минут пять-шесть, – бесцеремонно перебил его Алекс. – Я возьму у него фото.

Не расплатившись, дабы водитель не вздумал уехать, он вышел из машины. Калитка не была заперта, и Алекс вошел в небольшой дворик. Огляделся, дорожка, ведущая к крыльцу, выложена тротуарной плиткой. Под окнами буйно разрослись кусты отцветшей сирени.

– Левон Семенович! Хозяин! – громко крикнул он, поднявшись на ступеньку крыльца, и замер, надеясь услышать шаги в глубине дома. Вдруг за спиной в кустах сирени послышался

шорох. Алекс резко обернулся – на него, не мигая, смотрела обезьянка. На шее у нее болтался ошейник с кожаным поводком.

"Это, наверное, и есть Матильда, – догадался Корецкий. – Вместо пальм и лиан довольствуется сиренью. Приловчилась..."

– Левон Семенович! – еще раз попытался он докричаться до фотографа. Но в ответ лишь тоскливо завизжала Матильда. "Может, заснул или оглох", – предположил Алекс и смело потянул на себя дверную скобу. Она подалась.

Уже спустился синий теплый вечер и потому на веранде, куда он вошел, было сумрачно. Корецкий направился в комнату. Ступал осторожно, чтобы ненароком не задеть предметы.

– Левон Семенович ... Хачатур!?

Ни звука в ответ. Алекс нащупал на стене выключатель. Щелкнул – в глаза ударил яркий свет. На полу, возле кухонного стола, на боку, скорчившись, неподвижно лежал мужчина. Лужица крови подтекла до порога, и Корецкий в темноте ступил в нее туфлями. Содрогнулся. Забравшись на стул, на него пристально смотрела Матильда, успевшая еще раньше забраться в комнату через открытую форточку. Он не выдержал взгляда: показалось, что обезьяна все понимает.

Алекс выключил свет и поспешно, оставляя на полу кровавые следы, вышел. Матильда с диким визгом последовала за ним. Обогнала Алекса и одним махом, цепляясь за штaketник, перескочила через калитку. Прыгнула в открытую дверцу "Волги" к водителю. Парень, забавляясь, потрепал ее по шерсти.

– Матильда, разбойница. Лева где? – спросил он у подошедшего пассажира. – Что так быстро? Дай взглянуть на фото...

– Нет фото, – мрачно произнес Алекс.

– Не готово? Это на Леву не похоже, – недоумевал водитель.

– Он убит, – холодно сказал Алекс. У таксиста глаза полезли на лоб.

– Как... как, убит? – его губы задрожали, и рыжие усы вздернулись.

– Иди, посмотри.

– Б-р-р, мне дурно от мертвецов, – испугался он. Матильда, словно понимая ситуацию, притихла на заднем сидении.

– У тебя связь с диспетчером есть? – спросил москвич.

– Да, связь обязательна.

– Тогда свяжись. Пусть сообщат в милицию и вызовут "Скорую помощь", хотя врачи уже не помогут, – приказал Корецкий. – Мы до их приезда подождем здесь.

"Не связано ли это убийство с Викой? – мелькнула у него версия. – Хотя причем тут фотограф... Он кого угодно мог фотографировать". Таксист связался по радиостанции с диспетчером и, спустя двадцать минут, на УАЗе подъехала оперативная группа, а следом и медпомощь. Среди сотрудников милиции, прибывших с овчаркой, Алекс увидел Щеглова и Белозерцева. Заметив вышедшего из такси Корецкого, следователь укоризненно взглянул на Василия. Он безмолвно вопрошал: "Ну, что я тебе говорил? Этот Алекс еще преподнесет нам немало сюрпризов".

– Как вы здесь оказались? – сурово спросил он у москвича, не скрывая своего недовольства.

– Он фотографировал Вику, – спокойно ответил Алекс и подал следователю квитанцию. – Нашел ее в халате. Решил перед вылетом в Москву забрать снимки. Приехал, а здесь такое...

– Я ведь просил вас, гражданин Корецкий, обо всем, что касается вашей жены, сообщать нам, – раздраженно напомнил Владимир. – И никаких самостоятельных действий, никакого частного сыска. Вы можете только повредить и себе, и нам.

– Володя, оставь его, – вступился за Алекса Василий. – Сами маху дали при осмотре вещей. Фотографа не уберегли. Этот ход со стороны злодея или злодеев, можно было предвидеть.

– Тебе, Василий, в адвокатуре надо служить, – рассердился Щеглов. – Всегда ты кого-то защищаешь.

Потом на ходу бросил Корецкому:

– Ждите нас здесь. Будут вопросы? Такси можете отпустить.

Таксист с облегчением вздохнул. Взял с пассажира плату за проезд и лихо рванул с места. Белозерцев в качестве понятых пригласил перепуганных страшной вестью жильцов соседнего дома – старика и старуху. Алекс с Матильдой на поводке остался во дворе.

– Чья обезьяна? – поинтересовался Щеглов. – Развели здесь зоопарк.

– Фотографа, – опередил Алекса Белозерцев, очевидно, хорошо знавший Хачатура и его помощницу.

– Не ошиблись, – подтвердил Алекс.

– Держите ее покрепче, – примирительно попросил следователь. – А то, гляди, вырвется и устроит в доме кавардак, все следы спутает. А нам хоть маленькая зацепочка нужна, иначе дело табак.

Корецкий остался с Матильдой во дворе, а Василий и следователь с группой сотрудников, медиков и понятых вошли в дом. Алекс только теперь вспомнил о луже крови на полу, в которую он в темноте угодил туфлями. "Следовало бы предупредить, – осенила запоздалая мысль. – Перемажутся впотьмах".

В окне зажегся свет, падая желтым снопом на глянцеито поблескивающие листья сирени. Алекс на мгновение представил, что в апреле в палисаднике в капельках росы витает дымчатое сиреневое облако, струится тонкий аромат. Матильда беспокойно задергала поводок, порываясь привычным способом, через форточку, проникнуть в жилище. Что происходило в его стенах, Алексу оставалось лишь догадываться. Минут через десять из дома с овчаркой на поводке выскочил кинолог старшина Дудко. Левой рукой он придерживал кобур с пистолетом.

– Пальма, след! – поощрительно приказал он собаке. Овчарка, натягивая поводок, устремилась в глубину двора. Было слышно, как старшина перелез через громоздкий дощатый забор. Тем временем в доме оперативники занимались осмотром места преступления. Медики "скорой" и судмедэксперт Журбин констатировали смерть потерпевшего от повреждения сонной артерии. Он предположил, что против фотомастера был применен баллончик с газом, но это требовало подтверждения лабораторным обследованием. Эксперт-криминалист Будченко фотоаппаратом из различных точек заснял положение, в котором находился погибший в момент смерти. Его опознали соседи. Затем сделал оттиски с кровавых следов с четким рисунком подошвы. Обувь, по всей видимости, была примерно 43-44 размера. Труп Хачатура положили на носилки и погрузили в карету. Врач поначалу возражал: "Мы перевозим больных, а не покойников", но Щеглов настоял, взяв ответственность на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.